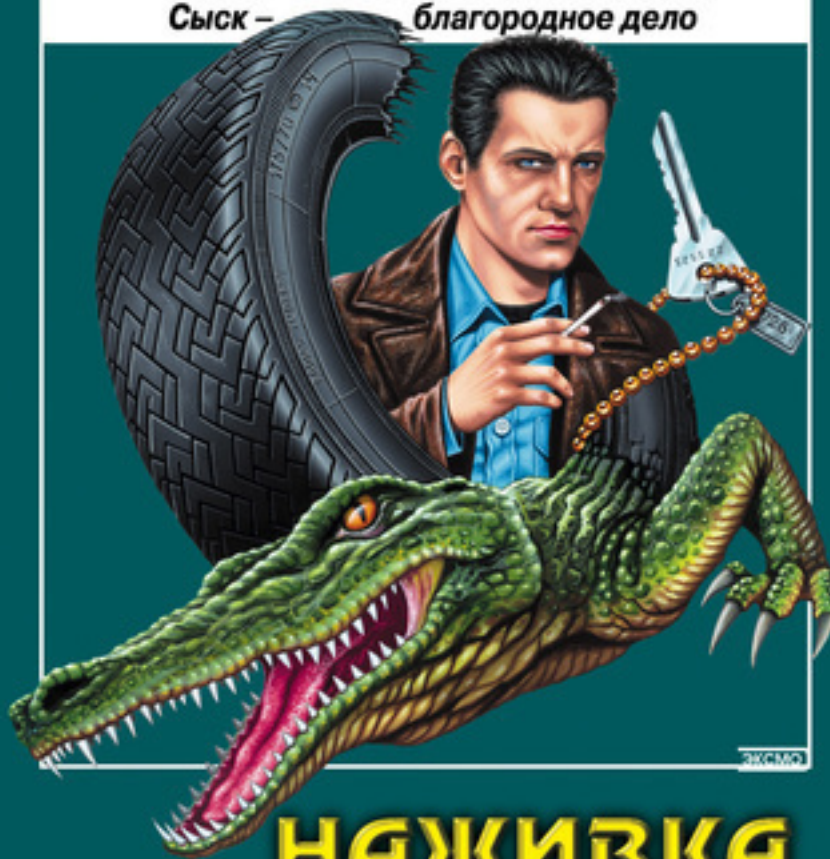

ВНЕ
ЗАКОНА

ВЯЧЕСЛАВ
Денисов

Сыск – благородное дело

НАЖИВКА
ДЛЯ
КРОКОДИЛА

Вячеслав Денисов

Наживка для крокодила

«ЭКСМО»

2002

Денисов В. Ю.

Наживка для крокодила / В. Ю. Денисов — «Эксмо», 2002

В своей машине убит известный в городе корейский бизнесмен. Оперативник Горский, расследуя это громкое преступление, вступает в схватку с жестокой «азиатской» группировкой, захватившей контроль над местным авторынком. Противник использует испытанные криминальные способы борьбы, но, когда все они оказываются бесполезны, применяет невиданное убойное «оружие». Горскому предлагается стать... наживкой. Наживкой для крокодила, вскормленного на человеческой крови...

© Денисов В. Ю., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вячеслав Денисов

Наживка для крокодила

*Герои и персонажи в романе вымышлены.
Совпадения с реальными лицами и событиями случайны.*

Пролог

Рейс Аэрофлота сообщением Владивосток—Москва задерживался с вылетом на один час. Собственно, сорок минут уже прошло, поэтому я с нетерпением ждала дальнейших сообщений диспетчера.

Еще одна ночь в этом городе – и длительная депрессия мне обеспечена. Я, как и все цивилизованные люди планеты Земля, пользуюсь таким достижением человеческой мысли, как телевизионный приемник. И проблемы Дальнего Востока принимаю близко к сердцу. Отключили свет в школе, замкнули рубильник на предприятии, лишили электричества квартал в спальном районе... Кто не слышит эти новости каждый день? Как и все москвичи, я сочувствовала жителям Владивостока и других городов Приморья, которым объявили войну энергетике. Но сочувствовала, как *москвичка*. Как житель города, где электричество в последний раз отключалось, наверное, зимой сорок первого года.

Мой босс, Миша Бердман, владелец «желтенькой» газетенки «Стресс-инфо», неделю назад, отправляя меня в командировку, приказал подготовить скандальный материал об энергетических бесчинствах Центра. Это был тот случай, когда не нужно специально искать факты. Нужно просто прийти в первый попавшийся дом, расспросить о графиках отключения света, тонкостях использования печи-«буржуйки» в условиях благоустроенной квартиры и заодно узнать мнение хозяев о новом губернаторе.

К слову сказать, к своей работе я отношусь достаточно ответственно, не так, как это делают многие другие журналисты. Миша Бердман с недавних пор требует приносить ему в «клювике» тонкую, с мягкой политической поволокой, информацию. Его, кстати, уже два раза закрывали и один раз били. Били, естественно, неизвестные, впоследствии, конечно, не пойманные. Я работаю у Миши журналистом всего три месяца, поэтому нет смысла терять хорошо оплачиваемую работу из-за собственной лени и бестолковости. Бердман уже поговаривал о том, что газета расширяется и вскоре, возможно, появится ставка второго заместителя главного редактора. Всякий раз, когда об этом заходила речь, он не отрывал взгляда от высокого разреза на моем платье и беспрестанно глотал слюну. «Все в ваших руках, Татьяна Марковна, все в ваших руках»...

Все мужики одинаковы. Стоит слегка взбить перед ними прическу, как они тут же готовы повалить тебя на стол. Мне еще далеко до тридцати, одеваюсь я неплохо, короткая стрижка огненного цвета очень необычно сочетается с голубыми глазами. Я имею однокомнатную квартиру неподалеку от МГУ и «Пежо»-кабриолет в подземном гараже. За три месяца пребывания в Москве и редакции мне пришлось перетерпеть постные признания в любви от нескольких женатых корректоров, домогательства художника, и вот теперь меня рассмотрел сам Бердман. Мне смешно, потому что я знаю, кто такие *настоящие мужики*. На своем коротком веку я их немало перевидала, суровых, гордых, с рассеченными бровями и перебитыми носами. Мне даже не стыдно признаться в том, что у меня не было секса уже четыре месяца. Я жду настоящего мужчину. Прошли те времена, когда я пыталась отыскать своего парня, так сказать, опытным путем, по глупости часто оказываясь в чужой постели. Как правило, утром у избранника не проявлялось никаких чувств, кроме абстинентного синдрома.

Мне становится смешно, когда я вижу, как Бердман скользит взглядом по глубокой впадине на моей груди. И я знаю, что он бы многое отдал для того, чтобы я пустила его внутрь себя. Но он не понимает, что расплачивается за мои прошлые годы. Годы, которые позволили мне понять самую главную правду женщины – нет ничего важнее независимости. Право собственного выбора должно значить для женщины больше старинного права быть избранной...

Эти дни во Владивостоке стали для меня настоящим кошмаром. Косметикой приходилось пользоваться, стоя у окна и держа в одной руке зеркало из ванной. Никогда не пробовали, дорогие женщины? Это напоминает художницу, стоящую с палитрой у мольберта. Единственное утешение – рестораны. Там можно вечером посидеть при свечах и поесть нормальной горячей пищи.

Материала накопилось столько, что вместо запланированной недели я уложились в три дня. Собрав диктофонные пленки, блокноты с записями и фотографии, я помчалась в аэропорт. Нужно поскорее бежать из этой «Страны Невосходящего Солнца». Честное слово, будто на конце света побывала и его же увидела!

Билет взяла без проблем. Очередь была, но я нацепила на кофточку бэйджик с надписью «Пресс-центр» и устроила скандал у самой кассы. Жизнь научила меня быть актрисой. Могу неожиданно для всех заплакать, а могу устроить бузу. 37-й ряд, место у окна, слева. Аэробус «А-310». Господи, когда я увижу родное Домодедово?..

Если вылет состоится без очередной задержки, то в Белокаменной я окажусь уже в половине пятого. А пока я рассматриваю тех, кто полетит со мной. И вот уже добрых четверть часа не могу оторвать взгляд от парня, сидящего через два ряда от меня. Он сидит лицом ко мне и смотрит вверх. Там, под потолком аэровокзала, закреплен телевизор. Характерный шум и мужской монолог в приемнике дает возможность безошибочно угадать содержание передачи – идет футбольный матч. Господи, как я уважаю мужчин, которые любят спорт хотя бы на таком уровне! Однако если меня не обманывает зрение, этот парень занимается спортом не только у экрана. Широкие плечи, спокойный взгляд. Он знает цену себе и своим возможностям. А я знаю цену его вещам. Черный кожаный пиджак – около трехсот долларов, туфли – около ста. Короткая прическа, как у футболиста сборной Англии. Я видела того футболиста по телевизору. Бэкхем, кажется. Не нужно думать, что я футболом увлекаюсь. Я увлекаюсь красивыми мужиками. В разумных пределах, разумеется.

Когда диктор объявила монотонным голосом: «Вылет рейса семьсот двадцать шесть Владивосток—Москва...», парень встал и закинул на плечо небольшую спортивную сумку. Когда же услышал окончание фразы: «...задерживается до четырнадцати часов тридцати минут», спокойно сел на место. *Меня поймет любая женщина, когда я расскажу, как он сел на свое место!..*

На его лице не дрогнул ни один мускул, даже тень недовольства не мелькнула! Он аккуратно поставил сумку на пол, медленно опустился в кресло, закинул ногу на ногу и поднял голову к экрану. Я смаковала каждое его движение. Он летит со мной. Внутри меня разливалось тепло – очень знакомое мне чувство...

Обручального кольца у парня нет. Сколько ему лет? Прикину на глаз... Чуть за тридцать. Может, тридцать три. Но не больше. Может, это ОН и есть...

Наши глаза встретились, и мне показалось, что он прочитал мои мысли. Настолько пронзителен был его взгляд, настолько открыт и спокоен, что я смутилась. Я! Смутилась! Парень лишь мягко улыбнулся, и некоторое время не отводил глаз. Но через мгновение уже вновь смотрел футбол. Он выдал свои чувства лишь раз, когда был забит гол. И, как я поняла, в ворота его команды. Он слегка поморщился одним глазом и усмехнулся.

Какое у него место? Мне бы очень хотелось, чтобы мы летели рядом. Мне нужно было его присутствие. Может, с ним заговорить? Попросить донести сумку до трапа? А что потом? Я сяду на свое «тридцать седьмое-А», а он – на какое-нибудь «пятое-А». И все. В Москве ему

будет уже не до меня. Мужики встречаются глазами с незнакомыми женщинами лишь вдалеке от дома и обязанностей. Ни за что не поверю, чтобы у него не было девушки. Такие мужики в одиночку долго не ходят...

Аэробус «А-310» – идеальный тип воздушного судна для влюбленных пар, летящих целый день. При том условии, что их места будут самыми первыми или последними. Именно в этом самолете первый ряд состоит из двух кресел, второй – из четырех, и последний – снова из двух. Горе мне, если сейчас сбоку окажется какая-нибудь дама или дед! Я села и отвернулась к окну. Серая взлетная полоса и множество самолетов... В них кто-то полетит. Будут ли они испытывать такие же чувства, что сейчас испытываю я?..

– Разрешите? – раздалось надо мной.

Еще не осознав своего счастья, я вскинула брови. Передо мной стоял... он. Этого просто не может быть. Потому что не может быть никогда!!!

Я смотрела на его улыбку и не могла выдать ни слова.

– Вы позволите присесть рядом с вами? Если нет, мне придется весь день стоять. Потому что мое место – «тридцать семь-Б».

Наконец-то меня прорвало. Я улыбнулась:

– А я вам не помешаю?

Вот и обменялись комплиментами. Его появление совершенно выбило меня из колеи. Я ждала всего, но только не такого совпадения. То, что я раньше вырывала у судьбы силой, она сама отдала без борьбы.

Я решила понаблюдать за ним. Но как? Любой сидящий в транспорте, пусть транспортом будет даже самолет, в обществе незнакомых людей предпочитает смотреть в окно. Это настолько естественно, что не подлежит обсуждению. Но если я стану выполнять это правило, то в моем поле зрения окажутся лишь облака.

– Простите, ради бога... – я посмотрела на него умоляющим взглядом. – Вы не могли бы со мной поменяться местами?

Парень удивленно пожал плечами и согласился. Для понимания причин моего поступка не нужно быть семи пядей во лбу. Однако я все-таки посчитала необходимым объяснить, что очень плохо переношу высоту и, даже не глядя в окно, мне становится дурно от одной только мысли о том, как самолет отрывается от земли.

На самом деле мне всегда нравилось наблюдать, как огромные дома в считанные мгновения превращаются в спичечные коробки, а потом уменьшаются до размеров спичечных головок. Парню нравилось то же, и он с интересом смотрел вниз. Этот детский взгляд на мужественном лице с едва заметными шрамами... Боже мой, есть ли на свете более прекрасная картина?!

Первым не выдержал он. Хотя выражение «не выдержал» тут явно неуместно. Скорее он стремился разделить собственное наслаждение от полета со мной:

– Поскольку мы не в метро, а в самолете, в котором будем находиться уйму времени, может, имеет смысл познакомиться?

Я знаю, что у меня очаровательная улыбка. Поняла это и сейчас, заметив его *интересный*, скользкий взгляд по моему лицу. Вполне возможно, что после этой улыбки ему уже не захочется смотреть в окно...

– Таня, – я протянула ладонь.

Он взял ее и держал, пожалуй, на секунду дольше, чем допускается при первом знакомстве. Но мне хотелось, чтобы это продолжалось целую вечность. И когда он убрал руку, я ощутила себя ребенком, у которого отобрали только что подаренную куклу.

Его зовут Андрей. Благородное имя. Именно для такого мужчины. Русское, без излишней вычурности, подчеркивающее скромность и культуру его родителей. Я знала много Андреев, но всем им это имя не подходило ни по каким параметрам. Когда же он назвал себя, мне даже показалось, что я давно с ним знакома. Я до сих пор не могу поверить, что это не сон...

– Для меня все сегодня удивительно, – сказал он. – Во-первых, я впервые в жизни лечу на самолете, а, во-вторых, мне посчастливилось коротать время с самой красивой женщиной на планете.

У меня снова закружилась голова, чего не наблюдалось в течение многих лет. От неожиданности я чуть не сделала то, что запрещено женщине в данной ситуации – едва не ответила комплиментом на комплимент. К моему великому счастью, самолет слегка дернулся, и это меня спасло.

Еще когда авиалайнер выбирался на взлетно-посадочную полосу и готовился к взлету, мы обменялись несколькими дежурными фразами. Он, оказывается, родился и жил в Кабардинске, а я призналась, что москвичка. Андрей с уважением покачал головой, и я впервые за три месяца ощутила гордость за город, в котором сейчас живу.

– К родственникам летали, Таня? – поинтересовался он после того, как самолет выровнялся в вышине над пушистыми облаками.

– Андрей, может, перейдем на «ты»? – попросила я.

На мгновение задумавшись, он произнес:

– Таня, когда люди договариваются перейти на «ты», то это выглядит неестественно, и после этого они уже никогда не станут ближе. Это все равно, что заключить брачный контракт непосредственно перед первой брачной ночью. Вот увидите, все произойдет само собой, и мы просто не заметим, как станем говорить друг другу «ты». Но это будет, как вам сказать... Это будет по-настоящему.

Он мягко посмотрел на меня, и я поняла, что потеряла голову. Одной фразой он разбил все мои прежние представления о настоящем мужчине. Теперь я точно знаю, как он выглядит. Это Андрей.

Все произошло так, как он и говорил. Через полчаса мы незаметно перешли на «ты» и смеялись то над старичком, который по неловкости вместо вентилятора несколько раз подряд вызывал стюардессу, то над предусмотрительностью одной леди, которая припасла сразу несколько пакетов для «несчастных» случаев. Андрей был настолько интересен, что я молила только об одном – чтобы время полета тянулось бесконечно. Как я, прожив более четверти века, не могла встретить его раньше? Пять лет назад, год назад, месяц? Если бы он был рядом, моя жизнь была бы совершенно другой. Лучше.

– Андрей, а где ты работаешь? – Мне на самом деле было очень интересно, в какой области может трудиться *мой* мужчина. Он не похож на барыгу, преследующего лишь одну цель – получить наибольшую прибыль. Но похож на спортсмена. Слишком много шрамов на лице. Однако он слишком умен и рассудителен для спортсмена.

Андрей посмотрел в окно, вздохнул полной грудью и рассмеялся:

– Правильнее сказать, работал! Меня попросили уйти...

Мои глаза помимо моей воли приняли удивленный вид. Кто посмел обидеть *моего* мужчину?! Я почувствовала приступ ненависти к этим «попрошайкам». Бескова, ты сходишь с ума...

– Еще три месяца назад я возглавлял группу по раскрытию тяжких преступлений в одном из районных отделений милиции Кабардинска...

Мне почему-то показалось, что ему совсем не хочется говорить на эту тему. Я не настаивала, хотя отдала бы многое для того, чтобы узнать любые подробности из его жизни.

– Таня, это очень длинная история.

Наши лица были в считанных сантиметрах друг от друга. Его мягкое дыхание касалось моей щеки... Я опять почувствовала приближающееся сумасшествие. От него исходили какие-то гипнотические волны, противостоять которым не было возможности.

– Пусть... – едва слышно прошептала я. – Пусть это будет самая бесконечная история, рассказанная журналистке. Я запишу ее.

Совершенно неожиданно я сказала то, чему вскоре обрадовалась. Да, я напишу эту историю. Я напишу об Андрее так, как никто и никогда не писал. Но что это за история? И сделает ли она его ближе ко мне? Уверена, правда, что не разочаруюсь в Андрее. Как-то я прочла в Библии, что «нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод». Там еще было что-то написано, но я запомнила главное.

– Напишешь мою историю? – удивился Андрей. – Не думаю, что она заслуживает того, чтобы с ней ознакомился весь свет. Я в ней оказался беспомощным. Я проиграл, и это будет преследовать меня всю жизнь.

– А мы перепишем конец, – улыбнулась я, поняв, что смогу убедить *своего* мужчину. – Мы все сделаем так, как должно было случиться.

– Но тогда это будет несправедливо к победителю, – возразил он. – Он заслуживает большего уважения, нежели я.

Господи, эта детская непосредственность, замешанная на отваге и силе воли!

– Хорошо, – согласилась я. – Мы оставим все как есть. Я напишу тебя для... себя. Хорошо, Андрей?

Его взгляд передвигался по моему лицу, как луч света. Я выдала себя раньше, чем требовалось. Боже мой, какой неприступной я была всего двадцать минут назад и как зримо сломалась за мгновение! От него веяло той мужской, *сильной* нежностью, что способна превратить камень в стакан горячего шоколада... А ведь я знаю его всего двадцать жалких минут. Какой же ты, Андрей, будешь дальше? Кто же ты на самом деле?..

– Хорошо, – почти прошептал он. – Для тебя. Но мне придется говорить весь полет. Когда мы сядем в Москве, ты будешь знать обо мне все, а я о тебе – ничего.

– Самолеты приземляются, Андрей, не для того, чтобы люди расставались навсегда...

Мне на мгновение показалось, что в нем борются какие-то чувства-антагонисты. Словно бес и ангел, сцепившись в смертельной схватке, разбрасывают вокруг себя сломанные перья и клочки шерсти. Я видела его взгляд. О чем он сейчас думает? Может, он женат?! От такого предположения я едва не вскрикнула! Боже мой, неужели все начинается сначала?!

– Сколько у тебя детей, Андрей? – стараясь справиться с дрожью в голосе, спросила я. На самом деле мне хотелось закричать, как припадочной: «Андрюша, милый! У тебя есть жена?!»

– Детей?.. – он отвлекся от своих мыслей. – Ты хотела спросить – женат ли я? Нет.

Я точно свихнулась от этой спокойной непосредственности...

А он опять улыбнулся и развел перед собой руками:

– Так мы начнем или нет?

Чувствуя, что смерч пронесся мимо, я вынула из сумки диктофон, пару запасных батареек и несколько чистых кассет. Когда он стал рассказывать, я не отрывала взгляда от его лица. Теперь мне это дозволено. Я имею на это право. Потому что передо мной был мой мужчина. И я никому его уже не отдам. Как мало времени мне потребовалось, чтобы стать слабой и беззащитной. Как долго я шла к этому.

Он начал настолько издали, что сначала я просто сбилась с толку. Но уже через пять минут вращения катушки в диктофоне поняла, что этот роман – для меня. Как он и обещал. А начал он так...

– Как известно, в квартиру наркомана можно пройти двумя способами...

Глава 1

Как известно, в квартиру наркомана можно пройти двумя способами. Первый – постучать «условным стуком». Он меняется с такой же периодичностью, с какой меняются пароли в ГУВД, то есть ежедневно. «Условного стука» на сегодня я, естественно, не знал, поэтому избрал второй способ.

Отойдя к стене напротив квартиры, я оттолкнулся от бетона спиной и изо всех сил врезал ногой по замку. Дверь резко отлетела в сторону, едва не прибив насмерть Михаила Гуцалова, наркомана со стажем, который в это время пытался определить сквозь глазок причины возникновения шорохов на площадке.

Стараясь не вдыхать едкий запах ангидрида, насквозь пропитавшего всю квартиру, я прохромал внутрь и склонился над безжизненным на вид телом Гуцалова:

– Не больно?

Миша, у которого дури в голове было и так достаточно, задал самый глупый вопрос, на который только был способен:

– Ты кто?

– Клайд без Бонни. Кто еще в квартире?

Гуцалов смотрел на меня, но никак не мог вспомнить, что я однажды уже отправлял его на скамью подсудимых за распространение наркотиков и содержание притона. По тому, как блаженно закатились его глаза, я понял, что у парня пошел «приход». Спрашивать его сейчас о чем-либо совершенно бессмысленно.

Уловив краем уха стоны, доносящиеся из соседней комнаты, я остановился у закрытой двери и прислушался. Это были не крики о помощи. Одновременно кричали мужчина и женщина. Голос мужчины я узнал сразу. Он принадлежал некоему Постникову, по кличке Незнайка. Погоняло свое Постников получил за умение на все вопросы сотрудников правоохранительных органов отвечать: «Не знаю». Правда, Постниковым занимались обычно опера из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, поэтому его заветное – «Честное слово, не знаю» – имело ничтожное значение. Тем ребятам по барабану, знает он чего или нет. Если есть доза, «ходи сюда». Рома, как и Гуцалов, один раз уже «сходил».

А вот голос женщины...

Женщина так может кричать только в двух случаях: когда отбивается от бешеной собаки или когда занимается сексом с таким мучачо, как Незнайка.

Пройдя в комнату с «макаровым» в руке, я увидел худое, исколотое замысловатыми татуировками тело Незнайки, которое взметалось над полными телесами какой-то особы. Помня, что в старину, во время нереста, даже в церквях в колокола не били, я зашел на кухню, сел на стул и закурил последнюю сигарету...

Баталия в комнате продолжалась вот уже сорок минут. Столько же времени в коридоре «висел» Гуцалов.

Я включил чайник и разыскал в шкафу, среди закопченной, пахнущей уксусом посуды, чистую кружку. Сполоснув ее под краном, уселся обратно. Ничего, я все вытерплю. Торопиться мне некуда, а информация, которая мне сейчас нужна как воздух, находится где-то здесь, в этой квартире. Может, она покоится даже в шкафу, ожидая моего появления. Мне все равно. Без нее я не уйду из этого вертепа. На моей территории «валят» людей, что неправильно, противозаконно и, так сказать, попирает нормы общечеловеческой морали. А поскольку убийство произошло в двух шагах от этой клоаки, глупо даже предполагать, что ни Гуцалов, ни Постников ничего о нем не знают.

В тот момент, когда я допивал вторую кружку чая, в комнате послышались душераздирающие вопли, возвещающие о том, что всему в этом мире есть начало и всему есть конец...

Взяв со стола пистолет, я втокнул его в кобуру и направился в комнату. Зрелище не для слабонервных: два стайера на финише.

Я поднял с пола резиновую мухобойку, шлепнул ею Незнайку по голой заднице и мило улыбнулся. Не ожидавший подобного «наезда», Рома обернулся и дико закричал. Ничего не понимающая особа спешно натянула на себя скомканное одеяло.

– Как жисть босяцкая? – Это был вопрос к Незнайке.

Постников отдышался и честно ответил:

– Только кончил – тебя, Горский, увидел... Это самая страшная картина, которую можно увидеть! Вроде с Файкой был, а вот нате – ты тут...

– Ты, Незнайка, – я уселся в ободранное кресло, – когда-нибудь допьешься, и тут к тебе в самом деле кто-нибудь сзади и пристроится...

– Не пристроится, – уверенно ответил Постников. – Я, бля, в колонии не чертом был, ты знаешь.

– Слышь, Ром, это че за фраер здесь появился?

Это были последние слова особы, которую я в буквальном смысле выпихнул за дверь в чем мать родила. Мешала, а времени на объяснения у меня не было.

– А вот теперь поговорим, инвалид.

– Делов не знаю, командир, – стандартно «отмазался», как ему показалось, Незнайка.

– А я тебя еще ни о чем и не спрашивал. Надевай портки и майку, а то мне на твои наколки смотреть больно. Ну что это за анахронизм, Рома? «За все легавым отомщу», «легавым – хер, вора́м – свободу»? Скрой эти портачки маечкой, пока я не обиделся. Какой ты, к ляду, вор? Ты – заподьянец-неудачник, мой клиент...

Рома угрюмо натянул трусы с изображением стодолларовых купюр и сел на диван, изображая на лице непонимание. Однако, внимательно следя за его бегущим взглядом, я догадался, что тема беседы для него ясна. Он лихорадочно готовил себе алиби. Но я уже давно не желторотый юнец, которого может обмануть такой змей, как Постников. Когда у тебя за плечами восемь лет оперативной работы, можно безошибочно выбрать манеру разговора, исходя только из особенностей фигуранта. Список вопросов, ориентированный на возможные ответы Постникова, у меня в голове был готов уже на десять ходов вперед.

– Итак, Незнайка, предлагаю на выбор два варианта. Вариант первый. Ты повторяешь свою дебильную фразу «я ничего не знаю», после чего мы отправляемся в отдел. Там, по моей просьбе, естественно, участковый составляет на тебя административный протокол по поводу нахождения в общественном месте в нетрезвом виде. После чего я везу тебя в районный суд, где тебя, мелкого хулигана, определяют суток на десять-пятнадцать. Разговор продолжится уже в камере. Без Файки.

– Андрей Васильевич!.. – возмутился Рома. – Я же дома нахожусь! Какое такое общественное место?!

– А я тебя сейчас на улицу выволоку, – пообещал я. – В трусах, чтобы – наверняка.

– Это нечестно... – начал было ныть Незнайка, и вдруг победно воскликнул: – Так я же не пил уже три дня! И хрен какая экспертиза тебе поможет! А судье скажу, что, мол, Горский фальсификацией занимается и суд обманывает, чтобы свои подлые оперативные мероприятия проводить! Я скажу!..

– Не пил, говоришь? – я усмехнулся. – Ладно. А кто мусор из ведра вывалил на газон перед домом? Это ведь тоже мелкое хулиганство! Думаешь, свидетелей не найду?

– Ты сдурел, командир?! У меня же мусоропровод в доме!

Я кисло улыбнулся, закинул ногу на ногу и на выдохе произнес:

– Незнайка, ты дураком родился, дураком живешь и им же помрешь. Правило номер один из жизни бывшего зэка забыл? Напомню. Никогда не бодай опера, когда он пытается забодать тебя. Мне тебя, думаешь, закрыть не за что?

Рома раскопал в пепельнице, которая стояла на стуле, окаменевший окурочек «Примы», раскурил его и уже спокойно спросил:

– А второй вариант разговора?

Другое дело...

– Рома, – я подался из кресла вперед, – ты меня очень обяжешь, если направишь на путь истинный. Сегодня утром недалеко от твоего дома мужика нашли. Он не дышал, и было такое впечатление, словно ему из пистолета сначала два раза в спину выстрелили, а потом зачем-то еще один раз, уже в затылок. Ты не знаешь, зачем?

Рома выпучил глаза.

– Какого мужика?..

– Не готов к ответу.

– А я почему должен быть готов?!

«Мимо, что ли? – подумал я. – Может, и так. Рома пригласил вчера девку, всю ночь куrolесили, водку пили... Вон они, бутылки, стоят... Но водку не пьет Гуцалов. Что он, тосты за столом со шприцем в руке произносил? Нет, родные мои, если не все, то хотя бы что-то вы должны знать!»...

– Незнайка, а кто у нас недавно освободился, а я об этом еще не знаю?

Рома стал задумчиво разглаживать взъерошенные волосы. На пятом по счету движении задумчиво пробурчал:

– Есть один фраерок, ты его знаешь. Нефедов. Но он «баклан» по жизни, на «мокруху» не пойдет, не его стихия...

«*He пойдет*», – мысленно согласился я. Кажется, Незнайка опять решил испытать на мне свой излюбленный метод – сливать ментам информацию, которой те давно владеют. Создается иллюзия сотрудничества. Постороннему человеку может показаться, что парень идет на контакт и всячески способствует расследованию, чем должен вызвать доброе к себе расположение. Но я-то не посторонний, меня этим не прошибешь. Я Постникова, как медузу, насквозь вижу. Уже решив напомнить об этом, я увидел, как Рома изобразил на своем лице осмысленное выражение.

– А ты Мишку спроси! – Он ткнул пальцем в сторону отдыхающего Гуцалова. – Он позавчера ездил в колонию кого-то встречать! Кстати, ты этого парня должен знать. Твои опера его закрывали два года назад за кражу из этого... как его? Ну, гадюк он каких-то наворовал, что ли? Не помнишь?

Ну как же не помнить... Такой случай у оперативника бывает раз в жизни. Раскрыть кражу восьми гадюк, двух кобр и одной эфы выпадает на долю сыщика не каждый день. Зато потом, когда этих гадов найдешь и вернешь медикам, можно всю оставшуюся жизнь лечить родных и знакомых змеиным ядом в поликлинике при серпентарии. Бесплатно. Главное – молчать о неправильном содержании рептилий в этом учреждении. До поры до времени все было ничего, пока из мест лишения свободы не вышел Веня Чернорожин. За его чрезмерное пристрастие к наркотикам он получил омерзительную кличку Обмороч.

Благодаря их воздействию, Веня постоянно находился в «подвешенном» состоянии. В любой день недели, в любой час дня или ночи можно было зайти к нему домой и обнаружить хозяина, так сказать, в иной реальности. Вениамин был наркоманом, хотя, как и всякий наркоман, всячески это отрицал. К чести Обмороча, и к бесславию ОБМОНовцев, нужно осветить тот факт, что борцы с незаконным оборотом наркотиков его ни разу не взяли. Искусство сбрасывать «отраву» или глотать ее в момент шухера Веня освоил настолько капитально, что поссорился с законом только один раз. Будучи до изумления обкуреным из-за того, что его отвергла, как он считал, любимая, Веня решился на отчаянный шаг и пошел на дело. План действий в обкуренных мозгах созрел быстро. Рядом с домом находился серпентарий, где разводились и содержались для различных медицинских целей ядовитые пресмыкающиеся. Пред-

мет кражи – змея. Цель предприятия – подбросить в постель любимой (с хахалем) гадюку. Смысл – месть за отвергнутую любовь. То есть, вопреки общеизвестному слогану, Веня решил поступить наоборот: разрушить дом, подкинуть змею и никого, в итоге, не родить.

Судьба-злодейка распорядилась иначе. В тот момент, когда он, вытащив палкой из террариума восемь гадюк и кобру, уже наворачивал на эту самую палку «капошон» второй, на пульте вневедомственной охраны района давно визжал зуммер. Когда в сумку Вени попала еще и эфа, в серпентарий вломились двое сержантов в бронежилетах. Несмотря на «обкуренность», Веня проявил смекалку – метнул сумку с гадами в милиционеров. Тем не менее Чернорожин был задержан, немного побит сержантами в качестве компенсации за испуг, а впоследствии – арестован и «приземлен» судом в колонию общего режима.

Помнил я Веню, помнил... Но и он вряд ли был способен на профессиональное убийство. Ладно, с Незнайкой все понятно. Пока, во всяком случае...

– Ого! Мусора... – услышал я за спиной пораженный ужасом шепот.

Это вернулся на Землю, после перелета «Кабардинск—Кассиопея—Кабардинск», Гуцалов. Разговаривать сейчас с ним – это унижать самого себя.

– Значит так, отцы родные, – деловито заметил я, – завтра в десять ноль-ноль ко мне в кабинет. Отметитесь и продемонстрируете трезвый вид. Постников – старший, отвечаешь за прибытие. Не появитесь, вспомним первый вариант разговора. Понял, старший?

– Понял, – ответил присмиривший Постников.

Перешагнув через лежащего на полу с закрытыми глазами («спрятался»...) Гуцалова, я вышел из квартиры.

Глава 2

Вот с этого, собственно, и началась эта длинная история.

Можно было, конечно, выдерживая логику повествования и подчиняясь опыту стилиста, начать с того, как я, прибыв на работу, принял участие в утреннем селекторном совещании, записывая в ежедневник происшествия, имевшие место быть в течение прошедших суток, как я помечал приметы похищенного имущества, скрывшихся преступников, даты событий и комментарии дежурных служб. Потом следовало написать, что особое внимание я уделил преступлению на своей «закрепленной» территории – *удачливый бизнесмен по фамилии Тен, кореец по происхождению, был убит сегодня в пять часов утра у своего собственного «Мерседеса» тремя выстрелами в упор*. Затем мне следовало изложить следующее – я хорошо знаю этого Тена, мы не раз с ним сталкивались, поэтому, исходя из понимания его бизнеса и проблем, я начал отрабатывать версии.

Но тогда все было бы враньем.

Я понятия не имел, кто такой Тен. Более того, сначала подумал, что Тен – это «погоняло», произведенное от какой-нибудь фамилии типа Теньков или Тенцов. Более того, я опоздал на совещание, поэтому об убийстве узнал только от начальника уголовного розыска, своего бывшего стажера – Максима Обрезанова.

Я не оговорился. Мой начальник – мой бывший стажер. А я вот уже шесть лет просто старший опер на линии «тяжких». Есть такое мини-подразделение уголовного розыска в районном отделе внутренних дел, которое занимается раскрытием тяжких преступлений – убийств, изнасилований и прочего, что вызывает наибольший гнев у законопослушной части населения. Я старший в этом отделе, а в моем подчинении есть штат, состоящий ни много ни мало из одного подчиненного – Алексея Гольцова.

Так уж получилось. Мои друзья-одногодки выбились в начальники. Все, с кем я начинал, уже давно устали от обязанностей начальников «уголовок» районов, а кое-кто – даже от обязанностей начальников служб криминальной милиции районных отделов внутренних дел. А вот мне не повезло. Не умею я управлять коллективом. Даже за Гольцова начальник РОВД регулярно отчитывает. Но почему-то, когда происходит нечто чрезвычайное, первым ночью всегда поднимают меня.

Сегодня ночью найти меня не могли. Если бы я знал, что около собственного «Мерседеса» пристрелят какого-то корейца, то обязательно оставил бы адресок. Но я в последние недели разводился с женой, а вчерашний день был особенно напряженным. Поэтому, честно говоря, мне было не до Тена с его простреленной головой. В результате разборок, в ходе которых я объяснял своей бывшей жене, что зря она так кричит – я не претендую ни на комнату в общежитии, ни на стенку, которую нам подарила моя теща, ни даже на телевизор, я оделся и пошел к своему школьному другу Витьке Кулешову. Понятно, что была водка, понятно, что не спалось ночью, понятно, что утром я проспал.

Так что не будет никакого пролога в моем повествовании. Я опер, им родился, им и умру. Посему, узнав об убийстве, я сразу направился по адресу, где зарегистрирован гражданин Российской Федерации Вениамин Чернорожин. Может быть, за свой индивидуализм я когда-нибудь поплачусь, но время идет, а час расплаты не настает. Я вот смотрю на Макса Обрезанова и вижу в нем самого себя. Все-таки я сумел этого человека воспитать. В отличие от некоторых наших сослуживцев, Максим за четыре года еще ни разу не поднял руку на задержанного. Он понимает, когда нужно смотреть в глаза, а когда в стену, когда «давить» разговором, а когда дать выговориться. Разница лишь в том, что ему начальство доверяет больше, чем мне. Я – «испорченный». Я знаю о многих, кто сейчас возглавляет УВД города, не меньше, чем они сами знают о себе. Я всех помню по времени совместной работы и все их промахи, поэтому

я подобен чемодану без ручки. И выкинуть жалко – черт возьми, нужно же кому-то «копать на земле», и тащить обременительно. Дорогие мои, я не думаю о вашем троне! Дайте мне в своей личной жизни разобраться!..

Однако сытый голодного не разумеет. Я из тех, кто не напивается на празднике Дня милиции, не сдает сто рублей на подарок к свадьбе сына начальника РУВД, и которого не «кинешь» на компенсации за неполученное вещевое довольствие. На мне ничего не заработаешь. Я самым фактом своего существования напоминаю о необходимости выполнять служебные обязанности. А вы знаете, как не хочется некоторым товарищам выполнять свои служебные обязанности?

Не стоит мне дальше углубляться. Единственное, что у меня никак не могут отобрать в РУВД, так это штатное звание лучшего оперативного работника. Иначе, когда находили бы безжизненное тело на территории Центрального РУВД, первым будили бы не меня.

Вот поэтому, когда меня не смогли ночью «поднять», Обрезанов был зол, хотя всячески это скрывал. Еще бы, труп уже увезли в морг, а начальник подразделения, который должен заниматься этим убийством вплоть до его раскрытия, на месте преступления так и не побывал. Побывать я там, конечно, собирался, в надежде, что, может, и выводы кое-какие сумею сделать, но во всей этой истории меня настораживал один факт. С утра уже раструбили, что убийство заказное. Однако опера ГУВД и моего райотдела прочесали местность чуть ли не граблями, часа три, как лунатики, бродили вокруг несчастного Тена, но никак не смогли разыскать оружие. Судя по характеру ранений и обнаруженным гильзам, орудием убийства являлся «ТТ», давно уже снятый с производства, но до сих пор активно применяемый в криминальной среде. Однако ни «ТТ», ни что иное сыщикам не явилось.

Вот это и вызывало у меня наибольшее беспокойство. Если пистолет не сброшен киллером, как это происходит в большинстве случаев, получается, что «работал», во-первых, не профессионал, а во-вторых, отморозок. Поскольку только отморозок, желая сохранить двести баксов, унесет с собой оружие, на благоразумие такого субъекта рассчитывать не приходится. Сто к одному, что через пару дней он снова использует этот «ТТ».

Вывод – Тену разбил затылок либо тот, кому терять нечего, либо тот, у кого с головой не все в порядке. Вот такая ужасная дилемма. Без надежды на спокойствие в ближайшем будущем. Поэтому, перед самым выходом из райотдела, я дал задание Леше Гольцову. Ему предстояло сделать запросы в ближайшие исправительно-трудовые колонии по всем беглым. Работа довольно «пыльная», поскольку мы находились в угрюмом окружении шести зон, три из которых – строгого режима. А вот сам я приступил к разматыванию веревки с другой стороны. Мой фронт работ вообще представлялся неисчерпаемым, как запасы нефти на Каспии... Ну, сами представьте: я начал отрабатывать тех, у кого с головой не все в порядке. Это – в России-то...

Направляясь к Чернорожину, я решил все-таки изменить маршрут. До Обморока идти далеко, а место убийства находилось рядом. Я обошел дом Гуцалова, протиснулся между гаражей с непонятными надписями: «Убрать до 28.11.87 г.», выполненными одним почерком и одной краской, и вышел на стоянку машин. «Мерседеса», понятно, уже не наблюдалось, но место его парковки определить было легко. Всю «поляну» посреди огромного двора вытоптали так, словно тут недавно прогнали колхозное стадо, и там, где снег был утрамбован до льда, розовело огромное пятно. Здесь закончил свою короткую тридцатилетнюю жизнь кореец по происхождению и бизнесмен по призванию Ли Чен Тен. Гольцов час назад сказал мне, что «его все звали Алик»! Имелся в виду авторынок «КИА-моторз», где председательствовал Тен. Обычная попытка мнимого обрусения. Если кого-то на родине зовут Махмуд, то в России он обязательно будет именоваться Мишей. Я знал одного африканца, студента нашего института сельского хозяйства и по совместительству – торговца героином, который никак не мог обрусеть с именем Джамба. Глядя на его муки, я посоветовал ему окреститься Джопой. С этим именем он и поехал валить баобабы куда-то в Колымский край.

Приблизившись к пятну на снегу, чем вызвал подозрение у «наблюдателей» в окнах домов, я собрался закурить, сунул руку в карман, но вспомнил, что моя пачка опустела еще на кухне Гуцалова. Осмотревшись, я увидел то, что искал – коммерческий киоск, куда и направился мерным шагом, внимательно глядя по сторонам. Впрочем, это было бесполезным занятием. Все, что не успели вытоптать мои собраты по оружию, старательно уничтожили жители. Очевидно, в поисках «ТТ». Они провели здесь не мало времени. Посетили это место и соседские собаки, так как рядом с розовым пятном, темнели небольшие кучки... Если и среди них я найду какое-то рациональное зерно!.. Пожалуй, только в этих самых кучках...

Ладно, свой долг я выполнил. Побывал на месте происшествия. А поскольку настоящий милиционер никогда не покинет его, не опросив пару-тройку граждан, я решил поговорить с продавщицей киоска.

Упомянуть о том, что она меня знает, – лишняя работа, так как здесь меня знают все. Поэтому, увидев капитана Горского, Ирочка открыла не крошечное оконце, а служебную дверь. Вход, так сказать, для VIP-персон.

– Андрей Васильевич, у вас же выходной? – Ее честные серые глаза с зеленоватым отливом до сих пор помогали Ирочке отшибать все подозрения оперов из ОЭП на то, что она занимается скупкой краденых вещей и торгует водочным суррогатом.

– С чего это ты взяла? – удивился я.

– Тут с утра такой шухер был! А вас, как ни странно, не было. Гольцов сказал, что у вас выходной.

«Молодец Алексей, – мысленно похвалил я подчиненного, – этот даже тут прикроет». Но вслух сказал:

– Был выходной, да вышел. Ирина, дай пачку «Бонда».

Приняв протянутую купюру, продавщица ловко вынула из нового блока пачку и отдала ее мне.

– А в чем шухер-то заключался? – Я по-хозяйски опустил на стул и достал из кармана зажигалку.

– А вы будто не знаете?! – Ей такое и в голову не могло прийти.

После моего витиеватого объяснения Ирочка все-таки мне поверила и начала рассказ. Впрочем, выяснилось, что она об убийстве Тена знает столько же, сколько и я. Она ничего не видела и не слышала, правда, заявила, что «китаец приезжает сюда уже не первый раз».

– Ты милиционерам это сказала?

– А меня об этом никто и не спрашивал. Они, как и вы, спросили только о том, что я видела в пять утра. А я ни фиги видеть не могла, потому что это... спала. Андрей Васильевич, вы только хозяину об этом не говорите...

Вот кого после этого называть придурками? Своих коллег, которые не смогли элементарно «раскрутить» на показания девочку-продавщицу, или ее саму? А я-то, глупый, собрался искать тех, у кого с головой не все в порядке...

– А к кому он приезжал, Ира?

– К девочке какой-то. Я ее постоянно здесь вижу. Пару раз с ним приезжала, да в киоске постоянно «Салем» покупала.

Получив от нее полное описание «девчонки» – женщины всегда очень точно подмечают в себе подобных все достоинства и недостатки, – я направился во второй подъезд соседнего дома. Меня заинтересовала двадцатипятилетняя молодая особа, блондинка среднего роста, одевающаяся в полушубок из чернобурки и норковую шапку с «ушами». Отличительной особенностью ее были чересчур большие серые глаза. И еще золотая коронка во рту. По тому, как недовольно кривились губы Ирочки в момент рассказа, я понял, что искомая особа очень привлекательна, так как сама Ирочка по меркам среднестатистического мужика была «так себе».

– Господи! Ну, что опять?! – услышал я за закрытой дверью квартиры, в которую позвонил наугад. При наружности «девчонки» ее тут все должны хорошо знать. – Всю ночь спать не давали, решили еще утром нерв накалить?

Щелкнул замок, и передо мной появилась дама лет сорока. Если бы она мне сейчас врезала в лоб, кома мне была бы обеспечена, поскольку ее вес был средним для борцов сумо. Я не удержался от взгляда на пудовые кулаки. Она это истолковала по-своему:

– Чего шары округлил? Думал, стопарь тебе вынесу?

По запаху, царящему в квартире, я могу моментально определить, к какому социальному слою относятся ее обитатели. Сейчас я сразу констатировал тот факт, что жильцы, употребляющие на завтрак, в половине десятого, пельмени, имеющие на внутренней стороне двери более богатую обшивку, нежели на наружной, и при этом спокойно открывающие первому встречному, – «свои люди». Не обремененные высшим образованием и привыкшие в момент опасности вызывать не милицию, а мужа из соседней комнаты. Если их успокоить, то такие граждане становятся лучшими друзьями. Общая тема – вот ключевой вопрос в данной ситуации. Пока я поднимал глаза наверх, к лицу собеседницы, я нужную тему уже нашел.

– Здравствуйте, приятного аппетита. Извините, что оторвал от еды. Просто обратиться больше не к кому.

– А чего надо?

По интонации, с которой были произнесены слова, я понял, что разговор должен получиться.

– Понимаете, мне вас рекомендовали как порядочных и ответственных людей. Мне бабульки о вас рассказали...

Если сейчас спросят, каких бабулек я имею в виду, все пропало...

– ...я их не знаю, но ваш дом мне выгоден в коммерческих целях. В общем, что долго рассказывать, тут недалеко рынок, я там консервами из Норвегии торгую. Мне нужна каморка в подвале для товара. Платить могу чем хотите: что товаром, что деньгами. Сто долларов в месяц устроят?

Через пять минут я сидел на кухне и ел пельмени. Гнал какую-то чушь и заодно зондировал вопросы безопасности помещений для товара. Еще через десять минут узнал, что безобразия в доме происходят крайне редко, поэтому на доме и висит табличка: «Дом высокой культуры». Вчера, правда, произошло недоразумение. Убили нерусского, который постоянно приезжал на «Мерседесе» к Ольке. Олька проживает этажом выше, и шалава еще та. Работает в агентстве недвижимости «Гарант-Риэлт», менеджером.

– Риэлтером, – поправил жену муж.

Нерусский, как оказалось, стал приезжать к ней месяц назад. Тогда они, очевидно, и познакомились. Не шумели, танцев не устраивали, водку, судя по всему, не пили.

– А... – отмахнулся я. – Квартиру сняли, да куражились.

Ничего подобного. Оля переехала сюда год назад. Сразу после того как сосед-алкаш продал ей квартиру.

«Вот, через «Гарант-Риэлт» он квартиру Оленьке и продал», – обрадовался я. Обрадовался, потому что теперь отпала необходимость подниматься этажом выше. Если Оленька квартиру купила, значит, о ней есть все данные.

Допив кофе, я пообещал вернуться через два дня с товаром.

– Он на станции. Нужно «растаможить».

Вот теперь можно и Обморока навестить. Оля Олей, но версий, кроме нее, предостаточно.

Напоследок я получил еще один подарок.

– Если, когда вы приедете, нас случайно не окажется дома, вы позвоните в квартиру двадцать шесть. Там бабушка Элеонора живет. Мы ей записку для вас оставим. Не в дверь же

втыкать? Воров только приманивать... Мы бдительные, нас не обманешь. Потому и за каморку в подвале ручаемся.

Квартира «двадцать шесть» – соседняя с квартирой «двадцать семь». То есть с той, в которой проживает Олька. Вот чему я искренне рад.

А насчет воров – это вы правильно говорите, граждане. Предосторожности никому еще не мешали. Особенно с людьми, которых видишь в первый раз. Я бы, после сегодняшнего, не то что коробки с норвежской семгой вам в подвал не поставил, а лопату не доверил...

Глава 3

Всякое преступление оставляет финансовый след. В этом я уверен, как в истинности Первого Закона Ньютона. А еще я считаю, что французы были правы, утверждая: «Ищите женщину». В этот день я в очередной раз получил подтверждение этой нехитрой истине. Но как связана пока не установленная Ольга с убийством Тена? Хороший вопрос. Над его разрешением я бился, стоя у входа в подъезд Чернорожина. Какой-то негодяй поставил на подъезд металлические двери, затруднив вход всем, кто не имеет ключа. И везло же мне в этот день на наркоманские квартиры! Но вход в подъезд – это не дверь Гуцалова, ее ломать не станешь по вполне понятным соображениям. Вот поэтому я стоял как дурак и мерз. Поздняя осень в Кабардинске выдалась на редкость жестокой...

Еще и время было такое, что все, кто должен был уйти на работу, уже ушли, а работавшие в ночную смену – уже вернулись. Ненавижу эти «тихие» часы – с десяти до одиннадцати в замкнутые подъезды не попадешь. Трудно сказать, сколько бы я отвечивал у подъезда, если бы не подъехал, скрежеща на морозе истертыми до беспредела тормозными колодками, «УАЗ». Но синие полосы на бортах и треснувший проблесковый маячок на крыше автомобиля только усилили мое раздражение. По выспавшимся знакомым физиономиям, разглядывающим меня через стекло, я узнал коллег-омоновцев, оперов из отдела по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

Для многих непонятно, почему у милиционера может вызвать раздражение вид своих коллег, поэтому я объясню. Коллеги приехали отнять у меня кусок хлеба с намазанным на него маслом. Я не знаю в этом подъезде никого, кроме Вениамина Чернорожина, кто мог бы заинтересовать этих борцов с наркомафией. Вот поэтому я был уверен, как во Втором законе Ньютона, что если эта братва приехала сюда на подобной «неприметной» машине, то в засаду садиться они не намерены. Они сейчас начнут долбить в окна первого этажа с требованием отомкнуть замок на двери подъезда. Они приехали открыто забрать Веню. У них есть конкретная бумажная информация по какому-то факту, а у меня только «стук» Постникова, на который можно наплевать и забыть. Но не только поэтому никто мне не дал бы поговорить с Обмороком. Просто если у подъезда оказался опер Горский, а ночью неподалеку произошло убийство, то у коллег появился шанс раскрыть преступление вместо меня, попутно решив и свои проблемы. Опера могут увезти Чернорожина у меня из-под носа, сделав так, чтобы даже при такой подлости мы остались бы лучшими друзьями. Это только в фильмах менты работают по принципу: «Какая может быть дележка, ведь одно дело делаем!» На самом деле мы, работающие в разных подразделениях, стремимся друг у друга утащить кусок пожирнее. В МВД есть планы, отчеты и постоянные подведения итогов, грозящие лишить многих клиентов премий или «затормозить» очередные звания и должности. А при нашей зарплате и сто рублей за новое звание – деньги. Поэтому сейчас со мной и разговаривать никто не станет, несмотря на то, что я – капитан, а приехали два старших лейтенанта. Оставалась надежда на то, *как это ни странно звучит*, что Чернорожина нет дома. *И было еще одно, что могло обеспечить успех именно мне.* Если оба моих «брата» направились бы вверх по лестнице на второй этаж, не оставив никого внизу, то, значит, ловлей Чернорожина они занимались впервые и не знали особенностей задержания этого типа.

Подождав, пока оба скрылись за дверью, замок которой по их требованию открыл какой-то дед в валенках с первого этажа, я удовлетворенно хмыкнул и стал обходить дом.

Все дело в том, что, проживая на втором этаже, Веня укрепил на своей лоджии металлическую решетку. Ее прутья были с палец толщиной, и частоте ячеек мог бы позавидовать даже Владимирский централ. Издали она смотрелась как мышеловка для того, кто находится внутри, поэтому весь милицейский коллектив смело поднимался к Вене. Куда ему деться? Но

Веня исчезал из квартиры, как фантом, и даже доблестные парни из службы наружного наблюдения молча разводили руками – Чернорожин минуту назад находился в квартире, а теперь его там нет...

Все было просто, как на уроке рисования. Самый нижний прут решетки возвышался над краем балкона на двадцать сантиметров. С улицы на это никто не мог обратить внимание. Действовал человеческий фактор – есть решетка, сработанная на совесть. Но именно тех двадцати сантиметров хватало Вене, чтобы исчезнуть из поля зрения сотрудников правоохранительных органов. Сознаюсь честно... Чего греха таить! Меня Вениамин так один раз уже «сделал». Правда, в отличие от других, о фокусе с решеткой я догадался уже через минуту после сеанса «телепортации».

Поэтому, когда в щели под решеткой появилась сначала рука, украшенная фиолетовым пауком, а потом коротко стриженная голова, я догадался, что в дверь моего знакомого стучат сильные кулаки с требованием открыть замок и предстать перед лицом правосудия. Видимо, в лицах двух старлеев из ОБМОНа Вениамин Чернорожин правосудие не признавал, так как спрыгнул в неглубокий сугроб под своим балконом и быстро похромал в сторону детского сада. Я вывернул из-за угла и с той же скоростью двинулся за ним. Главное для меня было – поддерживать тишину и постараться подальше отойти от этого места. Иначе кусок хлеба с маслом достанется не мне. Так что, извините. Не я, что называется, начал первым...

Я шел за ним походкой олимпийца и в который раз думал о том, откуда произошла редкая фамилия моего старого знакомого. Всегда, когда я об этом размышлял, мне в голову приходил только один ответ – потомков Обморока привезли из Африки в Европу в трюме корабля лет триста назад. Если так, то род Вени старше моего... А вот и небольшой тупичок в узком проходе между огромными гаражами. Я окликнул Веню весьма доброжелательно, но его ответная реакция была для меня неожиданна. Он развернулся, как змея, которой наступили на хвост, и дико заорал:

– Стой, сука, где стоишь, иначе порежу на хер!.. Мне терять нечего!!!

Это к вопросу о первом пункте дилеммы. Наихудший вариант. Я знал, что у него с головой не все в порядке, а теперь, как выяснилось, ему еще и терять нечего. Он стоял в двух шагах от меня с заточкой в руке, на острие которой играл огонек...

– Веня, брось дуришь, – попросил я, сжимая кончиками пальцев замерзшие мочки ушей. – Ты с «пером» в руке – это уже накрутил себе два года. А с пером напротив меня – еще плюс три. Отдай мне игрушку и аккуратно опустишься на снег.

– Я пять лет назад уже опустился раз на снег перед тобой!!! Уйди, гад, по-хорошему прошу!.. – Заточка стала выписывать перед моей грудью замысловатые кельтские узоры.

Пистолет я достать уже не успевал. К тому же я лучше дал бы себя проколоть, чем отступил бы хотя бы на шаг назад. Поняв это, Веня решил на «мокрое» дело. Видно, ему на самом деле было нечего терять.

Сделав ложный выпад вправо, Чернорожин перебросил заточку в левую руку. Парень был плохо знаком с техникой ближнего боя. А его правило «номер один» гласит: «Всегда смотри в глаза противника». Веня же смотрел на мою печень под кожаной курткой. Поэтому, когда его лезвие стремительно полетело мне в бок, я сделал шаг вперед и резко ударил Чернорожина замерзшим кулаком в челюсть. Теряя равновесие и сознание, наркоман нелепо попятился назад и рухнул на спину, сильно ударившись головой о металлический гараж.

Подойдя к несостоявшемуся убийце, я выдернул из его руки заточку. Он продолжал сжимать ее, как убитый при атаке прапорщик – знамя полка. Заточка хорошая. Зоновской работы: никелированное четырехгранное лезвие, наборная ручка, упор для пальцев. Ее Вениамин из квартиры захватить не забыл, а вот куртку – не успел.

– Вставай, маленький негодяй, – приказал я. – Теперь в СИЗО можешь смело всем рассказывать, что пытался заколоть Горского. Я подтверждаю. После этого тебе, может быть, разрешат спать не у параши, а на шконке.

Через минуту Чернорожин, скованный наручниками, шагал в райотдел, прокладывая мне летними расшнурованными кроссовками путь по снежной целине. Он очень забавно смотрелся в свитере, трико и норковой шапке с отставленными в сторону ушами. «Dura lex, sed lex» – говорили древние римляне. Закон суров, но это закон. Нельзя на мента бросаться с железом. Обморок этого так и не понял. Как и то, что пять лет назад задерживал его не я...

К обеду, когда из канцелярии, весело щебеча, выпорхнули домой Аня Топильская, секретарша начальника, и ожидающие ее два инспектора по «малолеткам», Гольцов закончил свой титанический труд. Он вошел в кабинет с таким видом, словно только что проснулся: взъерошенные волосы, мутные глаза. И лишь бисеринки пота на лбу говорили о том, что Алексей работал, как вол. Именно за это качество я и попросил Обрезанова перевести его с «линии угонов» ко мне, на «линию тяжких».

– Андрей, – начал он, раскладывая на столе какие-то бумаги, испещренные записями, смысл которых был понятен ему одному, – в бегах двое. Один с «общака», из двадцатой колонии, а второй – со «строгача», с «семерки».

«Семерка» – ИТУ № 7 – расположена в пяти километрах от Кабардинска. Режим строгий, нравы суровые, контингент серьезный.

– Возьми два листа, Леша, и отдельно на каждого составь всю имеющуюся информацию. После этого иди домой и спокойно пообедай.

Гольцов подозрительно посмотрел на то, как я наливаю из чайника в кружку холодный чай.

– А потом, на обратном пути, куда зайти?

Я просто обожал за это своего подчиненного.

– А на обратном пути зайдешь сначала в киоск на «пяточке», где Тена убили, и допросишь по отдельному поручению от следователя... Алексей, а кому дело Тена «отписали»?

– Вязьмину.

Этот точно «делов» наделает... Таких «делов», что потом с ходу и не определишь, кто насильник, а кто жертва.

– А остальные прокурорские «следаки», что? Заболели все?

Леша устало пожал плечами.

Ладно. Вязьмин так Вязьмин. Но в этом случае допрос Ирины из киоска отменялся. Иначе, по «наводке» Вязьмина, опера, не знающие, с кем связались, натворят дел и сами же останутся виноваты.

– Тогда идешь в дом одиннадцать по улице Стофато, делаешь аккуратную установочку квартиры номер двадцать семь и если в данный момент там находится дама по имени Ольга, забираешь ее в охапку и ведешь сюда. Кстати, «пробей» эту квартиру по компьютеру. Пусть Аня Топильская распечатку сделает.

– Андрей, все на обеде...

Я махнул рукой: «Сам сделаю, а ты составь мне информацию по беглым жуликам и отправляйся обедать, а после обеда иди в адрес и тащи девчонку в райотдел».

Проследив мое движение рукой до последней буквы «фразы», он понятливо мотнул головой и сел писать отчет. Я его просто боготворил за это. Он у меня молодец. Другому бы пришлось не махать, а писать большими печатными буквами на листе бумаги, как третьекласснику: «Вынеси мусор, почисти картошку, пропылесось во всех комнатах»... А Леша – толковый опер. Он все сделает так, как я махнул.

Он вышел, а мне пришлось остаться в отделе. Во-первых, кусок сала и полбулки хлеба у меня покоились в сейфе, а во-вторых, меня в камере ожидал уже отошедший от дозы наркоман

по кличке Обморок. В это время, по моим расчетам, у негодя должны были начаться первые приступы «ломки». Самое время для беседы. «Периодику» нашего разговора я знал наизусть. Первые двадцать минут он будет вытирать со лба пот и молчать, еще через полчаса по хрусту костяшек на его пальцах я догадаюсь, что собеседника начинает терзать «депрессняк». Затем последуют крики, уверяющие меня в том, что он ничего по «мокрухе» сообщить не может, станет «сдавать» всех направо и налево, а вот через час... Через час он, подвивая и корчась на стуле, будет молить меня вколоть ему дозу. Я возьму с него клятву «пацана» о необходимости рассказать правду, и в обмен на это достану из сейфа шприц и вгоню его содержимое в вену Чернорожина. Через пять минут спокойного разговора он снова придет в неистовство. Вот эти пять минут из всего двухчасового разговора мне и нужны. Эти пять минут – момент истины. А остальное – потерянное время. Все закончится вызовом «Скорой помощи». Но вызывать ее нужно будет тогда, когда Веня начнет молча хрустеть суставами. Чтобы к окончанию нашего разговора карета стояла уже у входа в райотдел. Иначе можно опоздать.

Жестоко. Но пусть меня извинят за эту жестокость те, кто ни разу не сгребал веником в совок мозги убитой пятнадцатилетней девчухи или не доставал руками из помойного уличного бака трупик новорожденного, которого задавила собственная мама. Желаете путаных интриг, перемежаемых утонченными поисками сыщика-интеллигента? Читайте о Пуаро. А я был всего лишь опер в районном отделе внутренних дел, сидящий в кабинете, со стен которого обсыпается штукатурка и часто отключается телефон. Опер, в кармане которого лежит смятая десятка рублей, и зарплата у которого – через неделю. Сыщик, от которого из-за его работы не сложилась личная жизнь и который, в дополнение ко всему этому, через несколько дней останется без жилья. Российский милиционер, который был в отпуске два года назад и уже в течение трех дней подряд питался за обедом лишь салом с хлебом, запивая это чаем.

Так что извините меня все, кто считает такие методы изуверством. Мне только нужно найти того, кто убивал людей в моем городе.

... – Дай, дай дозу, Горский!.. Ну, что тебе стоит?! Что тебе стоит?! Дай хоть что-нибудь!!! Позвони обмоновцам, пусть они тебе дадут чего-нибудь, хоть «ханки»!.. Дай я сам пацанам своим позвоню – они привезут... Дай, сука-а-а!!!

Чернорожин сидел на стуле, выламывая руки и до крови кусая кулаки.

Ему нужно было срочно снять боль...

Он рухнул на пол, натягивая свитер себе на голову...

– А-а... А-а-а... А-а-а... Дай, Горский... Сука, мусор... Пидоры...

Я уже в четвертый раз щелкал зажигалкой, прикуривая очередную сигарету.

– Смотришь?.. Дай! Сдохну же...

Он превратился в безобразный клубок тряпок, покрытых пылью от давно немывтого пола. Веня наворачивал одежду на голову, поджимал под себя ноги и, истошно крича, неестественно выворачивал руки.

– Дай. Не будь сукой... Сука...

Так, достаточно. Речь Чернорожина стала терять логику.

Я рывком посадил его на стул и придавил голову к стене.

– Посмотри на меня.

Он воткнул в мое лицо остекленевший, совершенно бессмысленный взгляд.

– У меня есть доза. И ты ее можешь получить.

– Спасибо...

– Не за что. В полном смысле этого слова – не за что. Ты мне ничего не говоришь, а я тебе ничего не даю. Разошлись по нулям.

Я отошел от него и закурил сигарету. Обморок был похож на безумного бомжа: включенная одежда, пыльное лицо, спутанные волосы и совершенно дикий взгляд. Наверное, именно сейчас Чернорожин и был самим собой.

Врачи уже давно весело болтали в дежурке с участковыми, рассказывая друг другу смешные истории из своей жизни. Истории напоминали скорее «Байки из склепа». Это я слышал по телефону, когда звонил дежурному. Веня отходил от укола, пытаясь поймать кайф там, где его не может быть никогда. Это все равно, что похмелиться водой из-под крана. Но так уж устроена человеческая психика – всегда есть шанс победить болезнь, веруя в излечение организма.

– Мой юный друг, когда я тебя сейчас спрошу, кто совершил убийство, ты должен совершенно четко представлять, о каком убийстве идет речь. Убили корейца, недалеко от твоего дома, рано утром. Мне не нужен подробный рассказ, мне нужна информация. Информация, стоящая укола «болеутоляющего».

Чернорожин скис – то ли от овердозы, то ли от необходимости выполнять условия договора. А договор выполнять нужно. Иначе потом, при аналогичной ситуации, мент просто даст тебе помереть в камере.

Эти мысли я читал в глазах наркомана, как с листа бумаги.

– Три дня назад лох с базара, ну, с рынка автомобильного, по пьяни раскумарился и прочесал, что директор ихний быковать стал...

Тепло.

– Мол, задавил рынок весь, на все места «модные» своих узкоглазых ставит. Славян теснит.

– То есть?

– У тебя есть джип?

– У меня их два, – сознался я. – Один большой, а второй синий.

– Ну, вот, приедешь ты свои джипы продавать на рынок, а кореец тебя вместе с твоими джипами на конец рынка отгонит.

– Ничего не понимаю.

– Значит, нет у тебя джипов, – «расколол» меня Веня. – Блатные места там те, которые у самого въезда на рынок. Все приезжие знают, что кореец туда ставит для продажи машины, с которыми все в порядке. И с «растаможкой», и в техническом отношении, и что не в угоне за рубежом... А еще в начале рынка он по приемлемой цене продает «перебитые» тачки. Понял?

Одним словом, Веня честно, как и я, выполнял условия договора – он говорил и говорил. Когда я, взглянув на часы, стал понимать, что близок час расплаты, меня это уже не волновало. Естественно, Чернорожин знал больше, чем рассказывал, но с паршивой овцы – хоть шерсти клок. Для меня было новостью, что на автомобильном рынке полностью заправляла корейская мафия. Кстати, я вообще о ней впервые услышал. О том, что различные этнические группировки захватили места по продаже чеснока, помидоров и укропа, я был в курсе. Тут они правят, как короли. Но дальше этих мест их никто и никогда не пускал. В Кабардинске организованные преступные группировки, исторически сформировавшиеся за годы советской власти, никому из приезжих даже повода не давали подумать о том, что можно противостоять тому же Мамаю (Мамаев Дима) или Кресту (Крестовский Николай). Эти ребята патологически не переваривали соперничества. А уж если бы им стало известно о том, что какой-то «прайд» из Вьетнама или Чечни пытается заточить на них клык... Еще до сих пор у всех на слуху позорное бегство чеченца Малика, который сдуру «набил стрелу» Кресту. На повестку дня он выставил вопрос о переделе сфер влияния в области автозаправочного бизнеса. Крест тогда почему-то, еще до того, как был объявлен президиум и, собственно, сама повестка дня, два раза провел опасной бритвой по и без того выбритой физиономии Малика. После этого

партия Димы Мамаева с выстрелами погнала группу чеченских депутатов вон из города. Когда на шум Мамаева побоища прибыли грузовики ОБМОНа, все было кончено.

Поэтому я удивился, когда узнал о бандитском формировании из Страны утренней свежести. Картина на авторынке была такова. Всем управлял кореец Тен. Правда, пока никакого зверского криминала в его действиях я не находил. Единственное – торговля краденными авто. Но этот бизнес имеет шансы стать масштабным и рентабельным где-нибудь в Чикаго, а никак не в Кабардинске. Там и машины подороже, и нас, русских дураков, «колпашить» легче. Здесь же серьезным являлся только факт угона дорогих иномарок из Европы, под заказ. Но для этого как минимум нужно быть «своим» в международном преступном сообществе, а не просто входить в организованную группировку Кабардинска. Связана смерть Тена с этими «машинными» делами? Я только начал. Однако рассуждать о черных делах корейца у меня времени уже не было, так как господин Чернорожин, что называется, «пробацал тему»...

– Су-ка-а-а-а!.. – прокатилось эхом по всему РОВД.

Валера Жмаев, дежурный по райотделу, – парень сообразительный, поэтому, когда я перешагнул через проклинаящего меня Чернорожина и крикнул в коридор: «Валера!», санитары появились, как эльфы. Неожиданно быстро. Под обещания Вени вытащить меня из-под земли один из них уверенно ввел парню успокоительное и сказал:

– Мы его сразу в вашу больничку повезем, чтобы мороки меньше было.

Имелась в виду тюремная больница. А куда еще везти задержанного Чернорожина, если в отношении него уже возбуждено уголовное дело о незаконном ношении холодного оружия?

Следом за санитарями в больницу, конечно, отправится следователь. Чернорожин – парень неглупый, поэтому не станет возражать против того, что это дело возбуждено с небольшими нарушениями. Он ведь понимает, что, если сейчас к его двести двадцать второй статье добавится покушение на жизнь сотрудника милиции, ему чистое небо вообще, наверное, не скоро придется увидеть. А так он знал, что я возражать не стану.

Наркомана унесли, а я снова подошел к сейфу. Одну из ампул я израсходовал на Обморока. Оставалось еще четыре. Врезав металлической пластиной капсулу, я перевернул ампулу вверх доньшком и с удовольствием выпил содержимое, едва касаясь ее губами. Я пристрастился так пить глюкозу давно, еще в детстве, когда моя мама работала врачом в городской поликлинике. Глюкоза – это не жизнь, но она порождает интерес к жизни. Жаль, что некоторые этого не понимают. И еще она сладкая.

Глава 4

Не прошло еще и половины дня, а уже появилась некая отправная база. Правда, пока я владел косвенной информацией. Но именно эта информация может впоследствии оказаться решающей. У меня было то, чего не имеют опера городского УВД, которые, как я понял, тоже рьяно взялись за дело Тена. Если происходит, к примеру, убийство слесаря ЖЭУ, эти парни даже седалище не оторвут от стульев. Когда же дырявят голову депутату или известному бизнесмену, тогда только успевай от них отмахиваться. Убийство слесаря – событие малозначимое. Об этом не станет трубить пресса, поэтому ходом расследования будет интересоваться лишь прокурор в рамках предоставленных ему полномочий. Другое дело – фигурировать в средствах массовой информации как сыщик, раскрывший громкое преступление. Поскольку эхо выстрелов, сразивших Тена, уже докатилось до СМИ, я несколько не удивился, когда ко мне в кабинет без стука вошли двое. В отличие от таких оперов, как я, они носят кожаные папки и имеют чересчур серьезные лица.

– Приветствуем, – «приветствовал» меня один из всех. – Что по делу Тена?

Это знаете, как в американских боевиках. Помните? На место убийства прибывают серьезные парни и заявляют:

– Теперь мы здесь главные. Докладывайте все, что знаете, и отваливайте в сторону. Теперь вы будете только мешаться.

Это – ФБР. У нас ФБР нет, но у нас есть другие. Более хитрые. Они попросят доложить обстановку и предложат сотрудничество. Но я этих «партнеров» хорошо знал. Кроме склада ума, от меня они отличались еще и тем, что имели автомобиль. Пока я буду шагами замерять расстояние, они быстренько проскочат по моим явкам и доложат о проделанной работе себе в Главк. А в конце дня опять подскочат и опять предложат сотрудничество. И так до того момента, пока я не выведу их на злодея. Вечером можно смело смотреть ТВ. На экране корреспондент будет рассказывать о расторопности розыскников. Тех, кто мне уже надоел за эти дни. И поздравлять их с успехами в деле очистки города от криминального элемента. Плавали, знаем.

Поэтому, когда передо мной предстали двое знакомых из ГУВД, я отправил их к следователю прокуратуры Юре Вязьмину. Через полчаса общения с ним они вообще забудут фабулу дела и начнут спрашивать друг у друга:

– Так кого же все-таки Тен «замочил»?

Двое, заметно скиснув, исчезли. Видимо, их успели предупредить в Главке об опасности, которую представлял следователь прокуратуры Центрального района Вязьмин. Вместо них появился Валерка Жмаев.

Я вскинул на него взгляд... Валера был белее школьного мела.

– Ты Гольцова куда-нибудь посылал?..

Воздух перестал поступать в мои легкие.

– Ты посылал куда-нибудь Гольцова?! – кричал он мне в лицо, а я видел лишь вздувшуюся вену на его шее...

– Андрюха, ты посылал?..

– Где Леха?! Где он, мать твою?!

Отлетевший за мою спину стул громко загремел по полу. Он упал на том месте, где еще недавно катался Веня...

– Андрюха, Лешку порезали...

– Где? – глухо спросил я, не слыша самого себя. *Я прекрасно знал, где порезали Леху. Я понял это сразу, едва увидел белое лицо Валерки...*

– Стофато, одиннадцать. Во втором подъезде.

Квартира двадцать семь. Жмаев этого еще не знает, но это знаю я.

Я выбежал из райотдела. Ветер хлестал меня, как подлеца, по щекам. Он плевал мне в лицо острыми иголками колючего снега и выл в уши...

У самой больницы мне пришлось остановиться. Я не в силах был больше бежать. Окинув взглядом двор, увидел полуразрушенную лавочку. Приложив последние усилия, я заставил себя сделать еще несколько шагов на непослушных ногах.

Леша. Леша... *Будь я проклят...*

Отдышавшись, я наконец смог намотать на шею шарф и застегнуть куртку. Кажется, прошло. Все, Горский, успокойся... Начни мыслить рационально...

Подходя к двери больницы, я понял, что не может быть никакой рациональности, пока я не увижу своего опера. До тех пор пока я не взгляну ему в лицо, я не смогу вообще мыслить. Передо мной стояло лицо Гольцова. Он смотрит на меня своими серыми глазами и говорит: «Андрей, я был на Стофато, похоже, что там дело нечисто, раз меня ударили два раза ножом в шею».

Я тряхнул головой, открыл глаза, а Леша продолжил: «Ты прости, Андрей, что я тебе не могу сказать, кто это сделал»...

«Мне очень больно, Андрей... Мне так больно, что хочется разреветься. Но я и этого не могу. Ты прости»...

– *Он в операционной,* – сообщила мне медсестра. Дура набитая, да где же ему еще сейчас быть?! Разве я ее об этом спрашивал?!

– Вы сумасшедший, – произнесла она, отшатнувшись. – Я скажу главврачу, чтобы он вас попросил уйти из отделения.

– Извините... Я не хотел вас обидеть. – Я взял ее за рукав хрустящего халата, пахнувшего процедурной. – Это мой друг. У меня он, наверное, единственный друг.

Я сжимал в кулаке ее рукав, и не знал, как спросить о том, будет Лешка жить или нет. *Первый раз я не знал, как спросить человека, чтобы он не имел возможности мне солгать.* Я боялся спросить. Отвратительное, физическое чувство страха поселилось внутри меня.

– Отпустите мой рукав, – попросила девушка. – На нас смотрят. Вы похожи на ревнивого мужа медсестры, который пришел на работу к жене для выяснения отношений.

Глупость, которая меня отрезвила. Способность мыслить не вернулась, но прошел шок.

– Пойдемте со мной.

На этот раз под руку был взят я.

Зачем я пошел, не знаю, однако через мгновение медсестра ввела меня в дверь напротив операционной и усадила на кушетку.

Запах валокордина. Это мне знакомо. Придется выпить, иначе она может на самом деле вызвать главврача, а тот с нами, ментами, не церемонится. Дело в том, что он вообще ни с кем не церемонится. Вылечу из отделения, как пробка из бутылки...

Сколько прошло времени?..

Я приоткрыл глаза и оторвал затылок от стены. Валокордин ли то был?

Увидев приоткрытую дверь в операционную, я очнулся окончательно. Неужели Лешку увезли? *Куда?!*

Два шага – и я у палаты.

– Да сядьте вы в конце концов! Что вы прыгаете, как заведенный?

– Где Леха?!

– У вас что, амнезия? – Девушка держала в руке металлический пенал с инструментами. – Я же минуту назад говорила вам, что он на операции!

Все, что тогда умещалось у меня в голове, – Гольцову будут делать операцию не меньше трех часов. А я, оказывается, только что пришел.

Дверь прикрыли, и мне осталось лишь считать квадратики на рифленном стекле. Я сидел на кушетке перед операционной, а мой друг Гольцов лежал обнаженный на столе в палате, и в его шее копошились руки, блестящие от крови. Кровь блестела на резине, издевательски напоминая о том, что во благо это делается или нет – она все равно будет блестеть одинаково весело и живо...

Я снова закрыл глаза.

Тот вечер был самым длинным в моей жизни. Я не забуду его никогда, как никогда не забуду Лешку.

– Мы пойдем домой или нет, Гольцов? – спросил я, смеясь.

Алексей сидел напротив меня на столе и рассказывал о том, как борется с алкоголизмом тестя. Рассказ сводился к тому, что все методы испробованы, а, по мнению Гете, «когда же все испробованы средства, тогда разящий остается меч».

– Двенадцатый час ночи уже, Леха!.. – смеялся я, слушая о нетрадиционном методе лечения – «батарея плюс наручники».

Весь день мы пасли домушников. Проморозив сопли в неотапливаемом подъезде, нам удалось «сломать» двух гастролеров с поличным, прямо в квартире. Гастролеры сейчас размышляли над смыслом жизни в камерах, а мы никак не могли разойтись по домам. Адреналин выплескивался наружу через истерический смех и бессмысленные разговоры. Еще не уйдя домой, мы в кабинете уже жили днем грядущим. Работа с жуликами «закрепилась» признаниями в двух кражах и соответствующими оперативно-следственными мероприятиями. Мы проехали по двум адресам, где воры показывали места «изъятия» имущества, и утро обещало нам масштабную работу. Гастролеры имели характерный почерк, который оставили более чем в двадцати адресах, – придурки в каждой квартире разбивали кинескопы телевизоров, которые не рисковали уносить из-за их габаритов. Брали лишь деньги и небольшие вещи. Честно говоря, сомнений в том, что судебная экспертиза признает их невменяемыми, не оставалось. Однако не было сомнений и в том, что мы с Лехой «подняли темняки» полугодовой давности и «сняли» целую группу. Вот поэтому адреналин и хлестал. «Фарт» прет, и было чему радоваться.

За этим занятием и застал нас Валера Жмаев, один из троих оперативных дежурных в нашем райотделе.

– Слава богу, что хоть вы здесь! – вскричал он, простирая к нам длани.

– Что стряслось, Валерьян? – Леша болтал ногами и прыгивать со стола не собирался, очевидно, до утра.

– Не пили? – глядя в наши красные глаза, спросил Жмаев. Казалось, от нашего ответа зависело будущее российской милиции.

Нет, от нашего ответа зависела жизнь маленькой десятилетней девочки. Недоделанный отчим заперся с ней в квартире, а если верить плачущей маме, что босиком прибежала к Жмаеву, у того не все в порядке с головой. Зато у него все в порядке с обрезом ружья двенадцатого калибра. И еще, оказывается, после поллитра самогона он пообещал с девочкой расправиться. Причина банальна. Она, девочка, ведь ему не родная.

Дом был в пяти минутах ходьбы, опергруппа – на выезде, поэтому бронезилеты мы надевали уже на бегу. Их заставил взять Жмаев. Особо не раздумывая, я подчинился и достал из-под стола свою «Кору», в которой частенько прогуливался по окружающей территории.

Когда мы стояли перед дверью, цыкая на тонко подвывавшую супругу безумца, в моей голове возник один вопрос: «Где сейчас в квартире находится маленькая десятилетняя девочка?» Вопрос не праздный, если учесть тот факт, что при сложившихся обстоятельствах без насилия над личностью отчима нам не обойтись, а в панельных домах пули калиб-

ром девять миллиметров имеют обыкновение делать по два-три рикошета, а дробь из обреза разлетается во все стороны.

Дверь вылетела с одного удара...

Уже вбегая в коридор квартиры, пытаясь рассмотреть сквозь пыль известки от поврежденного косяка отчима и девочку, я понял, что опоздал. У меня нет времени для принятия решения, как нет времени даже для необдуманного поступка. Мне в грудь смотрели, чернея пустотой, два расположенных рядом отверстия. Последнее, что я запомнил, были едва различимые стружки на свежих срезах стволов двенадцатого калибра...

Страшный удар сзади одновременно с грохотом выстрелов заставил меня рухнуть на живот и в кровь разбить подбородок...

Кабанья картечь, в ключья разорвав на Лешке бронезилет, отбросила его к стене. Как кукла с разведенными в стороны руками, он медленно опускался на пол...

В какие-то доли секунды я догадался, что Гольцов сориентировался во времени быстрее меня. Он сбил меня с ног, чтобы дробь ушла мимо...

Понимал ли в тот момент Лешка, что если выстрел не попадает в меня, то тот же самый выстрел он примет на себя?

«Нет, – отмахивался он потом, – ничего я не понимал. Автомат сработал. Отвяжись».

Но это потом. А сейчас, захлебываясь кровью и задыхаясь, непослушной рукой Лешка пытался разлепить на бронезилете липучки.

Не в силах даже закричать от ярости, чувствуя, как моя голова разрывается от боли, я вскочил на ноги. Пьяный убудок продолжал держать в руке дымящийся обрез. Сколько было выстрелов? Два? Один? Я не считал, потому что для меня не было разницы.

Когда отчим упал на стену и стал растирать по обоям собственную кровь, я кинулся к Гольцову. Лешка улыбался, что-то шепча мне окровавленными губами.

– Что? Лешка, потерпи, дорогой!.. Я знаю, что больно...

Я сорвал с его плеч бронезилет и подложил под голову свой свитер. Картечь не тронула его тела. Лешка задыхался от страшного по силе динамического удара. Он продолжал что-то бормотать. Я видел, как от напряжения вздуваются на его лбу вены.

– Что?! Молчи, Лешка!..

Бесполезно. Что знает он, чего сейчас не знаю я?! Я прижался ухом к его окровавленным губам.

– У тебя броник от ножа, Андрюха... От ножа... Фуфло...

Это было четыре года назад. И все повторилось. Он снова принял удар, предназначенный для меня, на себя.

– Почему ты сам не пошел по этому адресу?! – Я даже не понимал, что своим воплем распугиваю суеящихся вокруг палаты людей в зеленых халатах.

Лешка, Лешка...

Ну почему ты пошел туда один? Почему не захватил с собой Мишку Павлюка, участкового? Вы ведь живете в одном подъезде и обедать ходите вместе! Почему ты пошел в адрес один?!

Потому что это ты его послал туда одного! Ты махнул ему так, что он и предположить не мог, что его начнут резать!!! Ты сказал – поди и приведи сюда бабу! Простую бабу в шубе! Ты не сказал ему – Лешка, осторожней там! Почему ты этого не сказал?.. Потому что ты сам знаешь, что осторожным нужно быть всегда! Но это ты знаешь!!! Вот сам бы и шел!

А Гольцов... Гольцов верит в тебя, Горский... Верит, как самоед в истукана! Поэтому и вошел в квартиру, как в гости! Потому что ты его не предупредил!

– Ох, бля-я, плохо-то как... Будь ты проклят, Горский.

Не знаю, сколько еще прошло времени.

Приезжал и Торопов – начальник нашего с Лешкой РОВД, и какие-то дяди из областного ГУВД, и коллеги-опера. Такое впечатление, что наши сыскари сторожили не Алексея, а меня. Кажется, Жмаев уже всем разболтал, что это я отправил Гольцова в одиночку на улицу Стофато одного. Поэтому первый вопрос был всегда – «Как Лешка?», а второй – «Как ты?». Как я?.. Я не хочу находиться в собственном теле! Вот как я... А так – все нормально, мужики.

Алексея резали и шили шесть часов сорок минут. За это время у меня, как и у друга, три раза падало давление и дважды пропал пульс. Когда его наконец вывезли из операционной, я приклеился к каталке, и никакая сила тогда не могла бы меня от нее оторвать. Его укатали в реанимацию и последнее, что я запомнил, было бледное, почти бесцветное лицо Лешки. Капельницы, катетеры, жгуты, повязка, закрывающая половину головы.

– Разве можно сейчас что-то прогнозировать? – вздохнул хирург в курилке, жадно затягиваясь «Кэмел». – Время покажет. Иди, отдыхай, старина. Если с ним что-нибудь случится, то не в эти сутки...

Я докурил сигарету почти до фильтра, вдавил ее в край проржавевшего ведра с полустертой надписью – «Р-р хлорки» и медленно вышел из курилки. Начало девятого. В это время в больнице остаются лишь дежурные смены в отделениях. В моем отделении осталась Настя – так звали девушку, которая поднесла мне по старой больничной традиции «стопку» с валокордином. Еще был врач-хирург, но он заперся в комнате отдыха и болел за «Спартак». Давление чешской «Спарты» на одноклубников из Москвы волновало его гораздо больше, нежели присутствие в отделении посторонних, поэтому я спокойно уселся на свое место у операционной. Я просто не знал, куда еще идти.

Сидя на кушетке, я лениво вертел в руке свою черную шапочку.

Утром убивают Тена. В пять. В девять я угощаюсь практически у порога квартиры, где проживает возлюбленная корейца. В обед в квартиру приходит Гольцов, и его там режут.

Мистика какая-то. Неужели кто-то после убийства бизнесмена имел наглость задержаться в квартире до обеда? Если так, то на его глазах происходили все события: приезд милиции, опрос конкретных лиц и прочие следственные действия, из которых можно сделать выводы о разрабатываемых версиях. Значит, неизвестный находился в квартире некоей Ольги, до сих пор так и не установленной, в то время, когда проводился поквартирный обход подъезда. Значит, он и меня в окно видел. Видел, как я к Иринке-торгашке с расспросами приставал, как в гости к соседям этажом ниже зашел. И даже после этого наглец продолжал торчать в квартире? Аж до того самого момента, пока его не побеспокоил Гольцов?

Вот тут и неувязка. Если он настолько сдержан и хитер, то вряд ли стал бы открывать дверь кому попало. А в данной ситуации «кем попало» мог оказаться лишь очередной сотрудник милиции. Значит, неизвестный проник в квартиру за несколько минут до прихода Алексея, и тот застал его врасплох. Скорее всего, что так. Иначе как объяснить, что Лешку обнаружили лежащим на пороге между лестничной клеткой и квартирой? Леше не для того открывали дверь, чтобы сразу нанести несколько ножевых ударов и тут же сбежать. Дверь безусловно была открыта, и Алексей в нее вошел. Это оказалось для кого-то настолько неожиданным, что он перешел к немедленной атаке.

Что же искал неизвестный в квартире? Нашел или нет?

На все эти вопросы мог ответить только один человек. Алексей Гольцов. Но он находился в коме, в палате реанимационного отделения.

Резко поднявшись, я вошел в ординаторскую. Настя сидела за столом и заполняла какой-то журнал. Сейчас она была уже без накрахмаленного медицинского колпака, и я с удивлением обнаружил, что у нее на голове не один из тех банальных хвостиков, на которые я столько посмотрелся во время неоднократных приездов по делам службы в больницу. У Насти же была

аккуратная, уложенная прическа. Теперь, когда исчезло первое ощущение беспомощности, я имел возможность спокойно рассмотреть девушку. Наверное, я делал это слишком долго и бесцеремонно, так как она оторвалась от недописанного слова и удивленно вскинула брови в мою сторону.

– Настя, позвонить можно?

По тому, как она доброжелательно улыбнулась, я понял, что прощен за прошлую бестактность. Действительно, зачем хватать девушек за рукав форменного халата, если ты не ее пьяный муж?

Дверь не была взломана. Замок открыли «родным» ключом. В квартире номер «двадцать семь» дома номер одиннадцать по улице Стофато царил хаос. Как пояснил дежурный эксперт по РУВД, «такой порядок в комнатах может навести только дед-склеротик после бани в поисках чистых трусов». Итак, я оказался прав. Алексей оказался в нужном месте, но в ненужное время. Его убрали с дороги, даже не стремясь замести следы. Просто оставили умирать на площадке. Может, это человеческое скотство и спасло Лешке жизнь? Успей он зайти в квартиру поглубже, еще неизвестно, когда бы его обнаружили. И, второе – в квартире что-то искали. Нашли или нет – оставалось лишь догадываться. Ясно одно. Мне пора везти ящики с норвежской семгой на склад временного хранения. Я сделаю это утром. А теперь...

Пусть меня простят все.

– Настя, я сейчас уйду. Когда приду, можно, я побуду до утра где-нибудь на кушетке? Я не буду мешаться под ногами, честное слово...

– Приходите.

Не глядя на нее, я устало мотнул головой. «Спасибо». Этот день сделал меня чужим для самого себя...

Бесцеремонно отстранив рукой вышибалу, я прошел к стойке пустующего кафе. Теперь все, на что хватило моих сил, это – расстегнуть куртку, стянуть с головы шапочку и вывалить перед собой пачку сигарет из кармана. Вышибала завис надо мной, как уличный фонарь, и поглядывал на администратора.

– Выкинь этого наглеца на улицу, – строго приказал тот.

Опережая действия портового амбала, я вынул «ПМ» и с грохотом вмазал им плашмя по стойке. Мысли вышибалы, вероятно, забились, как птицы в клетке. Он, словно конь, топтался за моей спиной, не зная, с какого боку подступить.

Под хохот администратора я прикурил сигарету.

– Иди, иди к дверям, Егор. – Борька-одноклассник хлопнул качка по выпирающему трицепсу. – Это свои... Необкатанный еще. Вчера принял. По протекции.

Последние слова предназначались мне.

Борис работал администратором в этом кафе уже четвертый год. Пару раз я по старой дружбе «снял крышу» с его бесперспективного на первых порах заведения. Вымогатели душили Борьку, как удавы кролика. В последнее время просьбы прекратились, из чего я сделал единственно правильный вывод – Борька наконец-то нашел тех, кому нужно «платить». И я догадывался, по чьей протекции он нанял такого питекантропа. Впрочем, это его дело. Я в тонкостях работы общепита разбираюсь слабовато. Мне разницы нет, кого раком за преступные деяния ставить – «беспонтовых» или «крутых». Платит – значит, хочет платить. Если бы не хотел, то ко мне обратился. Обычно раз в неделю я забегая в это уютное кафе испить минералки, выкурить тонкую сигару из Борькиных запасов да поболтать за жизнь.

Когда передо мной появилась запотевшая бутылка настоящего «Боржоми», я отодвинул ее в сторону. Вытирая с ладони холодную влагу, сказал твердо:

– Водки, Борька. Денег не жди. У меня их сейчас нет.

Вот чего бы Борис Карман никогда у меня бы не взял, так это денег. Особенно – за водку в его заведении...

...Я шел темной стороной улиц, стараясь никому не попадаться на глаза. Впрочем, это было излишняя мера предосторожности. В первом часу ночи, в такую пургу даже собаки стараются забиться в какую-нибудь нору. Уверенно ступая, я дошел до больницы. Не знаю почему, но я слегка застопорился на самом входе и вновь спустился с крыльца. Впрочем, я прекрасно знал, что делал. Обойдя здание, прикрывая лицо от снежных иголок, я подошел к окну на первом этаже. Настя уже не писала в журнале, сжав тонкими пальчиками авторучку. Она сидела, откинувшись на спинку стула, и задумчиво рассматривала плакат, висящий на стене. За то время, пока я невольно любовался, она дважды посмотрела на часы. Ждала кого-то?

Наверняка не меня. Так что, Горский, пользуйся обещанием приютить тебя, бездомного, и спи. Завтра тяжелый день. Во всех, кстати, отношениях...

– Вы пришли?

– А куда мне деваться? Дома нет, друг здесь, работа всегда со мной... Пьян, за что прошу прощения... Настя, у вас спирта нет?

Клянусь, у меня даже в мыслях не было задавать подобный вопрос! Тем более пить!.. Если бы она сейчас просто вынула из стеклянного шкафа спирт, я бы еще мог исправить положение. Отказался бы, отшутился. Но она твердо заявила:

– Вы же сейчас упадете.

Горский? Упасть?!

– Вы меня плохо знаете.

Выплеснув в себя треть стакана чистого медицинского спирта и старательно залив очаг водой, я почувствовал, как резко пошел на меня стерильный пол ординаторской. Последнее, что запечатлелось в моей памяти, был грохот деревянного стула...

Глава 5

Пробуждение давалось с трудом. Расклеив губы, я понял, что умираю от жажды. Вместе с желанием выпить три литра ледяной воды из-под крана в памяти восстановилась вся хронология последних событий вплоть до того момента, когда я вошел в ординаторскую. Интересно, на какой кушетке я лежу в больнице, если вокруг тьма хоть глаз коли, рядом ни куртки, ни ботинок, а под головой – подушка?

Осторожно опустив ноги на пол, почувствовал не холодный пол, а мягкий ворс ковра. Я, как Садко, провел рукой перед собой. Рука столкнулась с какой-то плоской поверхности нечто стеклянное, и это грохнулось на пол. Судя по шуршанию и плеску воды, я сбил со столика вазу с цветами. Если это не мои похороны, то я нахожусь в чьей-то квартире. Обоняние могло бы помочь, запах квартире я определял, что называется, «на раз», но какое останется обоняние после такого количества спиртного? Так, запашки. В основном, от себя.

После приземления вазы на стене в соседней комнате щелкнул выключатель, и в коридоре появилась полоска света. Все-таки Борька уволок меня к себе! Что я ему там говорил о бывшей жене и себе, бездомном? Не помню, хоть убейте! Но, наверное, что-то говорил, раз он притащил меня сюда. Только как он узнал, что я в больнице? Сейчас узнаем...

В комнате зажегся свет, и я, так сказать, надкусил батончик «Шок»...

У стены, смеясь, стояла Настя и запахивала на груди халатик с какими-то японскими драконами. Я закрыл глаза. Потом открыл. Настя не исчезла.

– Я боюсь даже спрашивать, где я.

– Вы у меня дома, Горский.

– Теперь я боюсь спрашивать, как я сюда попал.

Девушка устало улыбнулась.

– Мне удалось погрузить вас на такси и довезти до дома. До квартиры я вас довела вместе с таксистом. Хороший дяденька, он даже вызвался вас подержать, пока я открывала дверь.

Побелев от ужаса, я кинулся к стулу, на котором аккуратно висела моя куртка.

– Не волнуйтесь. Ваш пистолет и удостоверение я положила в сумочку еще перед отъездом из больницы.

Настя подошла к стулу и развернула его ко мне сиденьем. «ПМ» в кобуре. Удостоверение. Все на месте.

Через десять минут, умывшись, почистив пальцем зубы пахучим «Бленд-а-медом», я пил на кухне кофе и слушал историю своих злоключений. Как оказалось, Настя в этот день работала до двенадцати часов ночи, после чего наступала другая смена. Не желая оставлять после себя, при сдаче дежурства, тело полумертвого оперативного работника, лежащее на полу, она прихватила его с собой. Узнав о состоянии Алексея – «состояние стабильно тяжелое», я все-таки задал вопрос, который не мог не задать:

– Настя, а почему вы оставались в больнице до половины первого ночи, если сменились в двенадцать?

Она подняла на меня удивленные глаза, в бирюзе которых я едва не утонул.

– Странно... Вы были в таком состоянии, что сейчас плохо верится в то, что помните время, когда пришли.

«Вы меня плохо знаете», – едва не вырвалось у меня.

Спасибо девушке по имени Настя. Она дала мне в дорогу несколько таблеток цитрамона и взяла обещание прийти вечером в гости. К чаю будет торт. Я шел в темноте улицы, уже не сторонясь прохожих. Их просто не могло быть в семь утра в воскресенье. Пройдя несколько кварталов, я с удовольствием почувствовал, как окончательно прояснилась голова и вернулась

способность мыслить. Еще вчера я не мог это сказать в отношении дела Тена, но сейчас... Гады, если мне придется вас теперь всю жизнь искать из-за Лешки, я посвящу ее этому.

Я специально не стал уточнять у эксперта, что произошло с входной дверью двадцать седьмой квартиры. Раз он дает категоричный ответ – замок открыт родным ключом, значит, замок из двери вынули и увезли в экспертно-криминалистическое управление для проведения экспертизы. А на данный момент дверь просто заколочена и опечатана, то есть – открыта. Можно, конечно, дожидаться начала рабочего дня, взять у следователя прокуратуры на руки постановление о проведении дополнительного обыска, но... Я был почему-то уверен в том, что днем я не смогу найти того, что искал.

Признаюсь честно, угрызений совести по поводу не совсем законного проникновения в чужое жилище я не испытывал. Поскольку ни разу не имел желания присвоить чужое. С моральной точки зрения не существует разницы, проникаю в квартиру я или, скажем, сотрудники спецслужб. И я, и они роются сначала в помойных ведрах, а в самом окончании поиска – в шкатулках. Воры делают наоборот, ибо их целью является поиск материальных ценностей с последующим их присвоением, а в нашем случае предметом поисков являются ценности духовные. Чем жил человек, с кем поддерживал отношения, направления его деятельности. Так что плевать, что не было у меня постановления.

Последний раз я проникал в квартиру частного предпринимателя, никак не желающего сознаваться в убийстве собственной молодой жены. Когда душегубец отъехал в офис, я от соседей перелез на его лоджию и, сняв у порога ботинки, спокойно перелистал всю документацию в бюро. Тогда это помогло.

Дело осложнялось тем, что мне приходилось в половине шестого утра вскрывать дверь, забитую гвоздями. Если бы бдительные соседи вызвали группу немедленного реагирования РОВД, я потом долго бы объяснял помощнику прокурора по надзору за милицией района, каким ветром меня занесло в это жилище. А жилище принадлежало...

Я развернул бумажку. Если верить эксперту, в квартире проживала Коренева Ольга Михайловна, 1976 года рождения. Пассия убиенного Ли Чен Тена.

Замка, как я и предполагал, не было. Виднелись две шляпки от гвоздей-соток, да четверть листа формата А4, на котором красовалась печать моего родного РОВД поверх надписи от руки: «Без разрешения не вскрывать». Очень тормозящий фактор для таких, как я...

После седьмого или восьмого толчка плечом гвоздики стали жалобно поскрипывать и подались назад. Еще минута, и... Казалось, запах дорогого парфюма из этой квартиры не могли выветрить ни смерть, ни сигаретный дым милиционеров. Судя по грязи на полу и состоянию интерьера, мои собратья по оружию поработали здесь на славу. Я притворил дверь и бесшумно прошел внутрь. Первое правило опытного оперативника, прибывшего на место происшествия для квалифицированного шмона помещения, гласит: «Прежде всего произведи визуальный осмотр». При этом следует мысленно разбить помещение на квадраты и начать с того, который наиболее интересен. Вопреки человеческой логике, самыми перспективными для обыска являются те уголки, которые практически невозможно использовать в качестве тайника. Ну и человеческий фактор играет огромную роль. Зная это, я направился напрямиком к помойному ведру. Как известно, мусор – это самый неконтролируемый участок человеческой жизнедеятельности. Для хорошего опера помойка – пещера Али-Бабы.

Сим-Сим, откройся...

На полу выросла кучка хлама. Взяв со стола вилку, я приступил к тому, чем ежедневно занимается бомж – ковырянию в поисках чуда. При слове «бомж» мне стало немного неуютно. Бомж и есть... Нет, нужно срочно решать с Тороповым вопрос о жилье, иначе я превратил бы в жилое помещение свой кабинет. Пару раз сварил бы там суп во время рабочего дня – мало не показалось бы. Сразу бы решили вопрос с главой администрации о предоставлении общежития. Ладно, оставим дела наши личные...

Пустая банка из-под шпрот, сломанная расческа, высохшая картофельная шелуха...

Стоп. Это что? Это конверт. Причем конверт без адреса отправителя и получателя. На нем написано – «Кореневой Ольге». Не «Кореневой О.М.», а просто – «Ольге». Значит, автор из «ближнего круга». Такой конверт можно подбросить в ящик или передать из рук в руки на работе. Его несложно использовать в качестве упаковки для денег. Я приблизил конверт к глазам. Почерк явно мужской, без претензий на излишества. Эх, черт, хорошо бы знать, как Тен подписывал документы!

А вот, судя по всему, и содержимое конверта...

Я аккуратно вытащил из сигаретной пачки кубик разорванного и сложенного вместе листа бумаги. Ольга Михайловна рвала лист до тех пор, пока сил хватало. И после этого поместила уничтоженную информацию в пустую сигаретную пачку. Не выбросила в ведро, а *спрятала* в ведре. Разница существенная. Вот вам и ответ на вопрос о человеческом факторе при производстве обыска. Раз человек что-то не выбрасывает, а *прячет* от самого себя в помойном ведре, значит, у него есть все основания предполагать, что и в ведро кто-то может залезть. Это не обосновано логикой, это работает «подкорка».

Кубик бумаги в целлофане от сигаретной пачки поместился в мой карман. Более ничего примечательного я не обнаружил. Мусор вернулся в ведро, ведро – на свое место под мойку.

Теперь – подоконники. Ни один из них при нажатии не поднялся, под ними ничего не было. Приступаем к унитазному бачку. Пусто. Шторные карнизы. Ноль. Линолеум. Прибит намертво.

В видеомэгафоне, аудиосистеме, телевизоре и компьютере никто и никогда не станет ничего прятать. Опять работает «подкорка» – если квартиру случайно посетят воры, то они унесут все это вместе с тем, что ты прячешь.

И наконец последнее. Как это я сразу не заметил? На подоконнике стояли пять горшков с цветами. Ткнув пальцем в каждый из них, я обнаружил, что четыре из них недавно были политы, а в последнем земля напоминала грунт южных районов Мексики. Я чуть не сломал палец. Тем не менее там, как ни в чем не бывало, цвела и радовалась жизни фиалка, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся синтетической. Уже не сомневаясь в правильности своих действий, я вытряхнул искусственный цветок прямо на пол. Вместе с комом земли на линолеум упал небольшой бумажный сверток. Что, еще одно письмо?

Это было не письмо. В клочок бумаги был аккуратно завернут маленький блестящий ключик. Детектив, мать твою... Не хватало только таинственного сейфа, в котором лежат секреты террористической организации, стремящейся уничтожить жизнь на Земле.

Пора сматываться. Больше я бы уже ничего не нашел. Предупреждением о том, что я задержался в этой квартире, стал писк маленького электронного будильника, который поверг меня в ужас. Стрелка звонка показывала семь часов пятьдесят четыре минуты. Что это за странное время? Хлопнув ладонью по кнопке часов, я выбрался на лестничную площадку. Гвозди встали на свои места. А бумажка надорвана, так это дети баловались. Специально ментам навредили. Сейчас каждый подросток в возрасте от десяти до восемнадцати считает своим долгом подгадать милиции. Хоть в чем.

А вы на самом деле симпатичная женщина, Ольга Михайловна. Ваше фото на прикроватной тумбочке завораживает, как наркотик. Только зачем вам собственное изображение? Я вот, к примеру, свою фотокарточку сроду не поставлю рядом с подушкой. Нарциссизмом не страдаю, какого ляда мне на свою рожу смотреть? Я ее каждое утро и так в ванной вижу. И если честно, она мне порядком надоела...

Когда я в половине девятого зашел на утреннее селекторное совещание к Обрезанову, в моем ежедневнике лежал аккуратно склеенный скотчем листок бумаги. Ольга Михайловна, уничтожая письмо, постаралась от души, так что на сбор мозаики я потратил все утро, отказы-

вая себе даже в чае. Зато теперь у меня не было ни тени сомнения в том, что бегство Кореновой – не испуг истеричной женщины и не мимолетная слабость. Трудно было сказать, насколько ее исчезновение связано с убийством Ли Чен Тена, но то, что Ольга Михайловна имела неосторожность предоставлять не только риэлторские услуги, было ясно, как божий день.

«Сука!

Тебе дается еще один день для расчета по долгам. Если к четвергу в кассу не будут возвращены деньги, а мне на стол не лягут известные нам обоим документы, придется взяться за тебя всерьез. Или ты забыла поездку в Бобылево? Ты вся в косяках и перед мусорами, и перед деловыми людьми, так что если хочешь отделаться легким испугом – будь лапочкой».

Вот такое эмоциональное письмо. Любой психолог скажет, что человек, начинающий письмо обращением «сука», а заканчивающий словом «лапочка», не совсем уравновешен. Выражаясь иначе – налицо основной признак психопатии: смена настроения на прямо противоположное в течение одной минуты. И еще я с ходу сделал вывод о том, что автор сего опуса ранее не был судим. Тот, кого били по заднице в СИЗО резиновой палкой, никогда не скажет, что мусора – не деловые люди. А тут, понимаешь, «мусора» и «деловые люди». Надо же, какая градация...

После перечисления по радиосвязи совершенных за истекшие сутки преступлений Обрезанов вывел всех оперативников в свой кабинет. Негласная практика: развод по службам. Первый вопрос, понятно, мне:

– Андрей, как там Алексей?

– В реанимации.

Что я еще могу ответить?

– Ну, там хоть...

– Состояние стабильное, – перебил я, желая побыстрее закончить тяжелый разговор. – Стабильно тяжелое. Хирург сказал, что лезвие прошло в миллиметре от сонной артерии, но крови потерял Лешка слишком много.

Нас в кабинете было семеро. Каждый, конечно, имел свои проблемы, поэтому, несмотря на ранение коллеги, также стремился побыстрее закончить это совещание. Мент за мента, пусть это хоть коллега даже с другого конца страны, любого порвет в клочья, но работа ждать не будет. И потом, все прекрасно понимали, что уже сегодня могут запросто оказаться на месте Гольцова.

Короткий разговор – и оперативники разошлись. Я знал, что Обрезанов попросит остаться, поэтому даже не делал попыток встать после команды «все свободны». Как обычно, ко мне эта команда не относилась. Начиналась новое совещание. Мое, с Максом. Если бы он хоть раз проявил неуважение ко мне или снобизм – есть такое у молодых руководителей, рано оперившихся, – этих утренних встреч бы не было. Но Обрезанов прекрасно понимал и помнил, благодаря кому он обрел оперскую хватку. А благодарным он быть умел.

Он не знал, как спросить, и смущался от понимания того, что я это вижу.

– Максим, не грейся. Ты меня хочешь спросить, как Гольцов оказался в той квартире?

Обрезанов медленно качнул головой.

Можно соврать. Никто и никогда не проверит. Но что-то заставило меня рассказать обо всем, включая и несанкционированный обыск в квартире Кореновой. Бросив через стол отрезавший документ, я вытянул из пачки Обрезанова сигарету и развалился на стуле. Максим читал недолго.

– Полагаешь, что убийство связано с Кореновой?

– Уверен. Хотя ничем не могу доказать. Знаю одно – у этой истории будет продолжение.

– Хочешь, подключу пару ребят для отработки авторынга? Пусть они знают, что выполняют задачу, отличную от твоей. Цель оперативно-розыскных мероприятий – выявление устойчивых криминальных связей по линии оргпреступности. Они, конечно, ничего не поймут, но

землю покопают основательно. По крайней мере, ты не будешь переключаться с одного на другое.

– Что за ребята?

– Курсанты из школы милиции. У них как раз сейчас стажировка. Пылают активной жизненной позицией. Человека четыре, думаю, выхватить могу.

– Макс, они неделю будут баб обхаживать по кабакам, а в конце стажировки тебе такое фуфло прогонят, что мне потом за месяц не расхлебать! Нет, спасибо.

Но Обрезанов меня слушать не стал. Он просто набрал номер и попросил у старшего офицера школы милиции, ответственного за стажировку, четверых толковых ребят. «Дело ответственное, – сказал Обрезанов, – практика будет связана с выполнением конкретных служебно-боевых задач». Я невольно усмехнулся и махнул рукой. С трудом верится, что мальцы из средней школы милиции смогут за неделю «поднять» связи Тена на авторынке. Тем не менее я все равно был благодарен начальнику. Другой на его месте лишь грузил бы «ценными указаниями». В конце концов, если не связи Тена, то хотя бы данные о бандитизме на этой маленькой земле «утренней свежести» они накопать смогут.

– В каком направлении сейчас думаешь двигаться? – модернизированный вопрос Чернышевского в устах Обрезанова прозвучал актуально, как никогда.

– Агентство недвижимости «Гарант-Риэлт». Вдруг Коренева на работе и понятия не имеет, что Тен сегодня к ней не заедет?

Представился я, разумеется, парнем-рубахой, приехавшим из Хатанги для покупки жилья. Двадцать минут разговора, и я понял суть производимых здесь операций. Во-первых, мне тут же предложили внести пятьсот рублей в качестве оплаты за подбор эксклюзивного, исключительно под мои хатангинские запросы, варианта квартиры. Заодно заключить договор на покупку жилья только в «Гарант-Риэлт». В договоре предусматривались санкции вплоть до штрафов в размере ста минимальных размеров оплаты труда. Поскольку у меня за плечами юридический вуз, мне тут же захотелось посмотреть в глаза их юристу. Судя по офисному убранству, фирма-кидняк, занимающаяся околпачиванием безграмотной части населения, процветала. Не знаю, насколько добросовестно они выполняют жилищную программу Кабардинска, но разорение им самим не грозит, это точно.

– А вы знаете, – я придал своему голосу северный акцент (уж с кем с кем, а с людьми, побывавшими на Севере, я пообщался предостаточно), – мне рекомендовали Ольгу Кореневу. Я бы с ней хотел пообщаться. Говорят, толковый риэлтор.

– Оля болеет, – с улыбкой голубого воришки пояснил генеральный директор. – Мы предоставим вам другого классного специалиста.

– Плачу пятьсот баксов вашей конторе, чтобы работать с Кореновой, – бесцеремонно заявил я, вытягивая ноги.

На скулах генерального заиграли желваки. Предвкушая богатый улов, он, как филин на ветке, крутнулся на стуле и зашипел сидящей рядом красотке:

– Верочка, срочно найди Оленьку!

Верочка одернула до безобразия короткую юбку, вспорхнула и зашла в смежный кабинет. Через приоткрытую дверь я услышал сначала один приглушенный разговор, потом звонок по другому адресу и наконец – долгое молчание. Еще через минуту девушка появилась в комнате:

– Сергей Николаевич, ее нигде нет.

– А ты куда звонила? – раздраженно спросил директор, не желающий расставаться с мыслью о пятистах «зеленых».

Короткое замешательство, которое заметил один я.

– Ольге домой, конечно.

Под рывканье «Черт его знает, что происходит!» я вежливо попросил разрешения позвонить маме.

Зайдя в тот же кабинет, снял трубку и набрал номер АТС.

– Девушка, – приглушенно бормотал я, – уголовный розыск вас беспокоит. Капитан Горский. Сейчас было произведено два звонка с этого номера. Вы поставите меня перед собой на колени, если назовете их.

Верочка соврала. Она не звонила Ольге Кореновой домой. Ни один из двух номеров не принадлежал квартире двадцать семь дома одиннадцать по улице Стофато. Листочек с продиктованными мне цифрами утонул в кармане куртки.

Открыв ногой дверь, я под изумленные взгляды мошенников с лицензией вышел из офиса. Они даже друг другу лгут, как воду пьют. Скотство в законе. С такими даже прощаться – запахло. Единственное, что меня в последующем могло заинтересовать по этому делу, то это личность Верочки. Но брать ее за ноздри нужно лишь после того, как я узнаю, кому она все-таки звонила по поводу Кореновой. А пока пусть сидят и плавают мозги о том, кто я такой и чего мне было нужно.

Глава 6

Работы столько, что от избытка мыслей начинала убыстряться походка. Я переставал замечать на улице мелочи, которые раньше ни в коем случае бы не пропустил. Я не заметил, как дошел до отдела. Первым делом позвонил в больницу. Состояние Алексея не улучшилось, но и не стало хуже. Стабильное... Ненавижу это слово.

Теперь – работа. Я вынул из сейфа свой маленький карманный ежедневник. В отличие от стандартного, в него не заглядывал никто, кроме меня. А потрепанный лапот с бессмысленными ежедневными пунктами плана: «1. Найти убийцу. 2. Раскрыть убийство. 3. Позвонить следователю прокуратуры» лежит на видном месте для проверяющих из областного ГУВД. На краю стола. Ежедневники у нас проверяют, ибо, по мнению начальника ГУВД, «кто ничего не планирует, тот ничего и не делает».

Итак, кому принадлежали телефоны, по которым Верка-модистка искала Кореневу? Оператор адресного бюро бесстрастно выдала два адреса. По первому проживает некто Фокин, по второму – некто Жилко. Теперь нужно...

Стоп.

Влажнели ладони. Безошибочный признак того, что случилось нечто важное. Стараясь не спугнуть догадку, я медленно облокотился на стол. Что сейчас произошло в моей голове чисто автоматически?

Фокин, Жилко, номера телефонов... Вот оно!..

Где я слышал фамилию Жилко?! Черт... И ведь недавно слышал! Возможно, что даже вчера или сегодня!

Я встал и подошел к окну. Что было вчера? Я послал Лешу на обед, и он не вернулся. А перед этим? Леша отдал мне данные на...

– Жилко! – выдохнул я и метнулся к сейфу.

Жилко! Вот они, эти листы, переданные мне Гольцовым! Из «строгача» совершил побег Жилко Степан Иванович, 1972 года рождения... Место жительства – Минская, двенадцать, квартира двадцать пять! Это адрес, который мне только что назвала по номеру оператор АБ! Мать моя! Верочка звонила на домашний телефон беглого Жилко, чтобы справиться о Кореневой?!

Я ворвался в кабинет Обрезанова, как торнадо.

– Макс! Машину и двоих наших! Быстро!!!

Глядя, как начальник снимает трубку прямого с дежуркой телефона, я добавил:

– Пока я еду, отправь патруль на Минскую, двенадцать, двадцать пять! Пусть перекроют выход из подъезда и тыльную сторону дома!..

Улица Минская – это тоже моя территория. Я знал на всей ее протяженности каждый куст, каждую дырку в заборе. Понятно, что я не мог знать каждого, кто на ней проживал. Тем более что, пока существовали такие организации, как «Гарант-Риэлт», постоянных жителей на улицах города в ближайшее время не предвидится. Знаю я и двенадцатый дом – стандартную пятиэтажку хрущевской постройки, ориентированную на людей с доходами ниже среднего. Хоть двадцать пятая квартира и расположена на четвертом этаже, из этого не следует, что в случае опасности оттуда нельзя выпрыгнуть. А какая опасность может быть ужасней, если в твою дверь стучит милиция, а ты находишься в федеральном розыске, как сбежавший из колонии строгого режима? Тут и с крыши прыгнешь. Поэтому я и боялся, что искомый фигурант, поняв, что он под контролем, начнет делать невозможное.

Естественно, патруль все сделал так, как не нужно. Мужики свою задачу понимают весьма однобоко. Перед подъездом стояли «Жигули» с включенным проблесковым маячком,

а перед подъездом и сзади дома, как оловянные солдатики, замерли двое сержантов с автоматами. Интересно, а Жилко, если он не сбежал еще тогда, когда за пять километров от дома услышал сирену, уже догадался, что это за ним приехали? Наверное, догадался, потому что из жильцов дома на сегодняшний момент – он единственный, кто сделал «рывок» со «строгача».

Оставив гвардию на прежних местах, я с двумя операми взбежал на четвертый этаж. На площадке мы загнали патроны в патронники и отстегнули шнуры от пистолетов.

– Что бы ни произошло, он нужен мне живой, – сдувая с губ капли пота, шептал я операм. – Можете отстрелить ему ноги и руки, но он должен жить.

Дверь поддавалась лишь с третьего удара. Она ввалилась в комнату как-то неудачно, встав почти поперек прохода. Пока мы пробивались сквозь разорванный дерматин и отталкивали дверь, в коридоре громыхнул первый выстрел. Мне не нужно было даже думать – стреляли из «ТТ». Пуля срезала кусок штукатурки и впиалась в косяк. Я не видел, кто стрелял. Огонь велся из комнаты, расположенной под углом к коридору.

Второй и третий выстрел. Первая пуля вылетела через проем на лестничную площадку и разбила электрический счетчик. Уклоняясь от снопа голубых искр, с треском вылетающих из замкнутой проводки и пропуская мимо себя вторую пулю, я рванулся вперед.

В коридор навстречу мне выскочил кто-то – я не смотрел ему в лицо – и поднял перед собой руку. Сообразив, что надо стрелять, я дважды спустил курок. Еще даже не прогремел мой второй выстрел, как один из оперов выстрелил прямо над моим ухом!..

Моему изумлению не было предела, когда я увидел, как мужик-привидение стал сползать на пол. Я стрелял в деревянную перегородку, возвышающуюся над дверью. Даже в минуту опасности я думал о здоровье этого негодяя, поэтому мои выстрелы не были рассчитаны на поражение. Поэтому я никак не мог понять, почему известка за спиной упавшего выглядела так, как будто на нее выплеснули ведро крови. Когда наконец стрелок опустился на пол, я все понял. В его голове зияло чернотой посреди мертвенной бледности маленькое отверстие... Я повернулся к оперу.

Что я мог сказать этому человеку? Отматерить за то, что тот перепутал голову с ногой? Но он не путал. Он стрелял на поражение и именно в лоб. Сработал «синдром мента». Это когда предыдущее предупреждение не имеет никакого значения. Включаются другие рецепторы. И как ни предупреждай, в ста случаях из ста произойдет одно и то же – выстрел на поражение. *Милиционер увидел, как кто-то целится из оружия в другого милиционера*. Все. Тупик. Поэтому и нечего мне сказать. Сейчас я отдал бы свою тринадцатую зарплату – просто мне больше нечего больше отдавать – за то, чтобы этот труп не был трупом Жилко Степана Ивановича.

– Вызывай Обрезанова и прокуратуру...

А что еще я мог сказать?

Когда приехали Максим и Вязьмин, мое настроение не улучшилось. Когда же был осмотрен «ТТ» неизвестного, оказавшего такое яростное сопротивление, оно вообще «упало на ноль». В магазине не было ни единого патрона. Мужик выбегал на нас с пустым стволом. Если бы не этот роковой выстрел, я имел бы возможность хоть что-то прояснить в своем деле. А теперь... Если застреленный опером Верховцевым отморозок – Жилко, то теперь на него будет списано и убийство Тена, и нападение на Гольцова. Вязьмину для этого нужна лишь экспертиза «ТТ» на отстрел. Если она покажет, что в Тена стреляли из этого пистолета, Вязьмин запросто прекратит уголовное дело по убийству Тена «за смертью подозреваемого». Самое интересное, что эта чушь будет подписана наверху. Какой резон оставлять в подвешенном состоянии такой громкий «темняк», как убийство известного в городе бизнесмена? А тут подвернулся редкий случай – убит при задержании преступник, стрелявший в милиционеров из того же оружия, из которого совсем недавно палил в затылок корейцу. Нет, такое упустить нельзя. Может, это и

было правильно. Но не для меня. Что бы потом ни говорили, для меня навсегда окажется нераскрытым и убийство на улице Стофато, и нападение на Лешку. А труп, лежащий под моими ногами, ничего для меня не доказывал. Если только то, что в мире нет ничего вечного.

И тут грянул гром.

– Это не Степа, – заявила женщина, которую через полчаса после боя силой сумел вытащить из соседской квартиры Вязьмин. – Господи, помогите мне дойти до моей кровати...

– Максим, – сказал я Обрезанову, глядя, как мои опера-штурмовики уносят соседку обратно, – я за Верочкой. У меня такое впечатление, что киску мучают угрызения совести.

– Возьми машину.

Верочку я увидел издали. Она быстрым шагом двигалась нам навстречу, кутаясь в норковый шарф, и у меня было такое чувство, что ей, как и Кореневой, тоже захотелось поболеть. Я попросил водителя притормозить рядом с ней и приоткрыл дверцу:

– Верочка, садитесь. Я вас подвезу.

От неожиданности она шарахнулась в сторону, едва не сбив с ног мужчину с огромной сумкой на плече. Не думаю, что именно мое появление явилось для нее неожиданным. Скорее всего обладательница длинных ног и короткой юбки была просто всецело поглощена какими-то глубинными размышлениями.

– Садитесь, садитесь, – настойчиво повторил я.

– Ой... – растерялась она. – Это вы? А мы для вас подобрали чудную элитную квартиру...

– Я для вас тоже. Да садитесь же вы в конце концов! Салон вымерзает.

Она села, и в воздухе нашей розыскной «шестерки» моментально повис запах дорогих духов. Витька-водитель втянул полные легкие этого аромата и даже как-то обмяк за рулем.

В голову мне пришла шальная мысль. Я не повезу сейчас Верочку в отдел. Я ее отправлю на улицу Минскую. Надеюсь, труп еще не увезли. А потом можно и в кабинет.

– А куда мы едем? – забеспокоилась она.

– Не волнуйтесь, это рядом. Кстати, давайте знакомиться. Старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан милиции Горский. Вера, кому вы звонили по телефону, когда искали Кореневу?

Долгая пауза, повисшая в воздухе вместе с запахом свежести, подсказала мне, что Верочка в ступоре.

– Не понимаю, о чем вы говорите...

– Сейчас поймете. – Демонстративно отвернулся от нее и попросил у Витьки сигарету.

Риэлторшу рвало так, что мне даже стало страшно, останется ли от нее что-нибудь, когда она выйдет из туалета, или мне придется разговаривать с одной юбкой. К запаху крови нужно привыкнуть. Точно так же, как и к виду изувеченного трупа. А если ты только что пил кофе в шикарном офисе, а уже через пять минут какой-то тупой мент по фамилии Горский привозит тебя к луже крови и пригоршне мозгов, разбросанных по стене, – тут уж не до исполнения роли праведницы. «Не понимаю, о чем вы говорите»... Боже мой, сколько раз я это слышал! И ведь для каждого подонка, чтобы он тебя не «морозил» подобной ерундой, нужен свой подход! Дифференцированный...

Несколько минут назад я завел Верочку в квартиру, взял рукой за шиворот и рывком наклонил над трупом:

– Вот об этом я говорю.

Продавщица воздуха начала давать показания уже в машине. До райотдела – рукой подать, а она без перерыва на вдох прощбетала столько, на что мне, например, не хватило

бы и получаса. Я даже почувствовал облегчение, захлопнув за ней дверь камеры. Все мое время, дорогая. Скоро все повторишь Вязьмину, да под роспись. А мне и так все ясно.

Только оставшись один в кабинете, я понял, как устал. Окинул свои «чертоги» вялым взглядом. Раскладушка войдет, если подвинуть к окну Лешкин стол. Матрас и подушка есть, постельное белье в количестве двухсот комплектов лежит в кабинете следователя Егора Мамалыгина. Обычная история – вора с краденым поймали, а хозяина второй месяц найти не могут. Кажется, там уже не двести комплектов, а сто с небольшим. Мамалыгин раз в неделю протокол изъятия переписывает. Закончу это дело и наяду на Торопова. Пусть выколачивает общежитие. Иначе уйду в преступную группировку. Так и скажу.

Я взглянул на часы. Половина третьего. Интересно, чем сейчас занимается Настя? Я поднял трубку. Странно, но под сердцем что-то екнуло. С чего бы? В трубке, выматывая нервы, звучали длинные гудки. Мне показалось, что я ощущаю не досаду от того, что не застал дома абонента, а некую претензию... Горский, что это?

Не желая искать ответ на вопрос, я быстро положил трубку.

В голове до сих пор звенел речитатив Верки из «Гарант-Риэлт». После посещения забрызганной кровью квартиры у нее начался приступ правдолюбия и честности.

С Ольгой Коренева Верочка Смоленцева познакомилась давно, около восьми лет назад. В августе девяносто третьего они пришли в приемную комиссию философского факультета университета для сдачи документов. Учились в одной группе, ходили на вечеринки, в меру выпивали, пару раз покурили марихуану в обществе «плохих» мальчиков. Обе мечтали найти работу в хорошей фирме, иметь богатых мужиков и исполнять все свои желания. В общем-то вполне нормальное стремление, но есть страны, где реализация подобных планов возможна лишь при систематическом нарушении законодательства. Россия в этом списке занимает одно из лидирующих мест, поэтому выбора у девушек не было. Верочка институт бросила уже на третьем курсе, но Коренева, несмотря на коллизии внеучебной жизни, смогла все-таки получить диплом. Однако он не сыграл ключевой роли в становлении молодого философа. И Веранедоучка, и дипломированная Коренева устроились работать в одну фирму. И не пришлось бы мне водить сейчас Смоленцеву по окровавленной квартире, если бы не тот день...

Двое «плохих» мальчиков, тех самых, с которыми они покуривали травку, предложили им заработать. Подруги согласились без особых колебаний. Степан Жилко и Антон Шарагин объяснили девочкам, что нужно сделать, и они, будучи достаточно информированными риэлторами в агентстве недвижимости «Гарант-Риэлт», приступили к действиям. На следующий день в руках Степана и Антона был уже адрес одного гражданина, имеющего наличные средства для покупки жилья.

Первый разбой Степа и Антошка «замолотили» в центре города, прямо среди бела дня. Бизнесмена средней руки лишили золотой цепи, бумажника и шестидесяти тысяч долларов, подготовленных для покупки жилья. За ударный труд Верочка и Оленька получили по три тысячи, и с этого момента их уже не покидала уверенность в том, что жизнь только начинается.

Вскоре появился второй реальный покупатель. С ним тоже все прошло гладко. И когда девушки, шурша долларами, уже готовились передавать молодым людям вариант «номер три», произошел прокол. «Реальный покупатель», взятый штурмом в своей квартире, оказался перегонщиком авто. И не просто перегонщиком, а весьма крупным спецом, работающим исключительно «под заказ». Как пояснила Вера, парнишка работал на некоего корейца по фамилии Тен. Спец по зарубежным машинам пожаловался корейцу на свою обиду и попросил восстановить справедливость.

Теперь, сохраняя логику повествования, придется параллельно рассказать о другой истории.

Два года назад Ольга Коренева и Верочка пили дешевое вино в дорогом ресторане. Было скучно, а душа требовала простора и веселья. С десятью долларами на двоих особо не развер-

нешься, поэтому они выбрали путь, по которому идут все непрофессиональные проститутки, то есть торговки телом по настроению, а не по нужде. Как бывало и ранее, вся процедура заняла не более получаса. Их «сняли» люди респектабельные и, что называется, с деньгами. Смушал лишь тот факт, что мужчины были азиаты. Но смушались подруги лишь до гостиничного номера. Там они пришли в ужас. Азиатов было уже не двое, а целая дюжина. Но вскоре прошел и ужас. После каких-то таблеток. И ночь, грозящая групповым изнасилованием, превратилась в сказку. Утром сказка закончилась походом в больницу за медицинской помощью. Врачи посоветовали обратиться с заявлением в милицию, но предприимчивая Ольга сумела объяснить подруге, что если корейцы сядут, им обоим легче не станет, а вот если загрузить злодеев на «бабки», то успех гарантирован. Сказано – сделано. «Стрелку» забили в этом же ресторане. Но тут произошло непредвиденное. Приехал некто Тен. Он пригласил девушек в машину, и через десять минут они оказались в каком-то загородном доме. В огромном помещении стояло около тридцати человек. Тен вежливо попросил девушек указать пальцами на тех, кто их насиловал. Ольга и Верочка помнили только двоих, из ресторана. В них и ткнули перстами. Далее произошло то, что вызвало у подруг настоящий шок. Маленький, невысокий кореец по приказу Тена квадратным тесаком отрубил у виновных корейцев по левому мизинцу. После этого девушкам выдали по две тысячи «зеленых» и отвезли туда, откуда взяли.

А еще через месяц Вера узнала, что Ольга встречается с тем самым грозным корейцем по фамилии Тен. Для Верочки это явилось полной неожиданностью, так как она была хорошо осведомлена о том, что ее подруга уже запланировала на лето свадьбу со Степаном Жилко. Вера намекнула подруге на неприемлемость такого поведения, но та лишь махнула рукой. Наступила весна, и Жилко как раз и задумал историю с агентством недвижимости. Шарагин вообще был на подхвате, поэтому соглашался на все. А Степан мало обращал внимания на личную жизнь своей возлюбленной. Но закончилась весна, и наступило лето...

И был день... Точнее, вечер. Подобной нелепости не видел свет. В пьяной ресторанной драке, в которую оказался втянут Жилко, погиб посторонний парень. Милиция тут же обнаружила на месте преступления нож, и Степу «замели». Все, кто видел тогда Жилко, готовы были поклясться, что нож у него отсутствовал. Просто потому, что он его никогда не носил! Тем не менее через три месяца, уже осенью девяносто девятого, Степана Жилко по приговору суда отправили в колонию строгого режима. Его часы, заведенные на семь лет, начали отсчет времени.

Это случилось через четыре месяца после того, как к корейцу по фамилии Тен обратился перегонщик автомобилей с просьбой помочь в поисках людей, отнявших его деньги.

Собственная голова показалась мне тяжелой. События последних дней трудно было увязать с рассказом Веры. А что, собственно, произошло в ближайшее время? В августе из колонии строгого режима совершил побег Жилко. Почти двое суток назад убили Тена. Ольга Коренева получила письмо с угрозой, после чего исчезла в неизвестном направлении. В ее квартире кто-то напал на Гольцова. И, наконец, бывший подельник Жилко – Шарагин оказал жестокое сопротивление сотрудникам милиции, в результате которого погиб. После нескольких лет безоблачного существования устойчивой преступной группы события стали разворачиваться настолько стремительно, что трудно находить им объяснения.

Почему Шарагин, вместо того чтобы спокойно открыть дверь и играть в «несознанку», что было бы более логично, начинает палить в оперов? Чувствовал, что это – единственно верный выход? Или все дело в «отмороженности» Шарагина? Когда бестолковый подельник теряет жоака, он сразу начинает совершать глупости. Предположим, что это так.

Однако в какую еще историю ввязалась Ольга Коренева, помимо дел своей группы? Что за деньги? Какие документы? Кто писал ей письмо? И к какому замку подходит ключ, который я обнаружил в цветочном горшке?

Кто и зачем отсиживался в квартире Кореновой в то утро, когда застрелили Тена? Что он искал и почему напал на Гольцова?

С каждым часом вопросы увеличивались в геометрической прогрессии.

Вера сказала, что о поездке Кореновой в Бобылево ей ничего не известно, но в августе Ольга исчезала на три дня и вернулась после этого с синяками. Вера сама вызывала ей «Скорую» прямо на работу.

Я полистал телефонный справочник. А что у нас в Бобылево? Что это за место устрашения строптивых и непокорных?.. Ага, понятно! Санаторий «Бобылево». Территория нашего РОВД, но о санатории я не осведомлен потому, что на этой «линии» не работаю.

Значит, санаторий... Самое лучшее место для поправки и, одновременно, утраты здоровья. Братва у нас особой фантазией не отличается. Либо – погреб, либо – курорт.

Телефонный разговор с руководством санатория как-то сразу не заладился. Начальники, занимающие подобные места, теряют нюх и страх. Мента они постоянно видят перед собой одного и того же – участкового. Как правило, материальное благополучие таких стражей порядка полностью зависит от администрации, поэтому организация охраны правопорядка отдана на откуп чиновнику. Там чинуша – царь и бог. Он сам определяет для сотрудника милиции, кто прав, а кто виноват, кого нужно наказывать, а к кому еще и охрану приставить. Ни один мент в таких условиях не станет пререкаться, опасаясь потери дополнительного дохода в виде систематических взяток. Я все это прекрасно понимал. Понимал и администратора, который бросил трубку сразу после моей фразы: «Мне нужен список граждан, посетивших санаторий в августе, начиная с двадцатого числа». Но когда сотрудник уголовного розыска позвонил во второй раз и спокойно повторил вопрос, а чиновник продолжал «быковать»... Этого я никогда не пойму.

Санаторий находился в сорока километрах от города, поэтому я решил не терять даром времени. Я просто подошел к Обрезанову, попросил до вечера машину и двоих самых «безбашенных» участковых из нашего райотдела. «Безбашенных» – это значит готовых на все. Говорит начальник, к примеру: «Отбей ногой этот балкон, чтобы он вниз упал!», и участковый отбивает, не спрашивая ни о чем. Наша милиция пока держится именно на этих самых «безбашенных». Они делают свое дело, невзирая на чины, и не требуют взамен ничего, кроме новой работы.

На трассе нашу «шестерку» чуть не снес в кювет обогнавший нас «Мерседес». Водитель «пятисотого» так торопился на собственные похороны, что чуть не довел до исступления Витьку-водителя. Он покручивал руль, не отрываясь от зеркала заднего вида и во весь голос возмущался:

– Чего фарами мигает, а?! Лыжню ему уступить просит, что ли?!

Видимо, так оно и было, ибо вскоре обнаглевший «мерс» стал гудеть, как паровоз. На наших «Жигулях», как на спецмашине уголовного розыска, не было ни синих полос, ни мигалки, ни номеров, указывающих на ее принадлежность к силовому ведомству. Поэтому «Мерседес» смело пошел на обгон, а в приоткрытое окно мы услышали:

– Че, типа уши прочистить надо?!

Витька свернул в сторону. Машина пошла юзом, и лишь мат нашего водителя помог ей удержаться на трассе.

– Ну, сука, – взъерошился, как воробей, Витька, – убью!

– Ты его догони сначала, – равнодушно пережевывая жвачку, пробурчал один из моей невозмутимой свиты.

– А мне его догонять не нужно. Впереди – пост ГИБДД... – И Витька нажал тангенту на переговорном устройстве...

За рассказами о «новых русских» время пролетело быстро. Проезжая мимо стационарного поста ГИБДД, мы увидели владельца «Мерседеса», который открывал багажник для проверки...

Через двадцать минут мы въезжали на территорию санатория.

– Васильевич, – обратился ко мне участковый, поглядывая на каменных львов и литые ворота, – оставь меня здесь в засаде на недельку...

Никаких засад не будет. Нахалов нужно наказывать сразу и без подготовки. Так я решил, так и будет. Поднявшись по лестнице, я толкнул ногой тяжелую дверь.

– В сторону, адмирал, – и швейцар, путаясь в фалдах, отлетел в сторону.

Наше появление не прошло незамеченным. Впрочем, на иное я и не рассчитывал. Администратор находился у стойки дежурного и отчитывал за какие-то грехи молоденькую горничную. К нему я и направился. По пути я махнул «безбашенным» рукой и громко произнес:

– В номера люкс!

– Что здесь?.. – Лицо администратора стало малиновым и напоминало улыбку Минотавра.

– Здесь происходит проверка паспортного режима и розыск преступника, скрывающегося в санатории, – я сверкнул удостоверением.

На втором этаже уже слышались крики и визг – участковые вторглись в чужую личную жизнь. Я двинулся по следам. Администратор, пугая меня какими-то звонками в ГУВД, едва поспешал за моим скорым шагом.

Через открытую дверь одного из номеров я увидел мужика, похожего на того, что рекламирует пиво «Толстяк», а рядом с ним – двух девиц. Нет необходимости говорить, что они были в одежде прародителей. Вскоре, однако, вся троица закуталась, как римляне, в простыни и полотенца. Мой «безбашенный», невозмутимо надувая пузыри, листал паспорт «толстяка».

– Вы что, гады, оборзели, что ли?!

– Так, пятнадцать суток у тебя есть, – констатировал участковый.

– Вызовите милицию!!! – завизжал толстяк.

– А мы кто? – улыбнулся второй милиционер.

– Вы знаете, кто я?! Вы представляете, что с вами будет через час?! Я – депутат городского Совета! – и толстяк, увидев во мне истинного виновника своего срама, победоносно впился в мое лицо ядовитой ухмылкой.

Вот так. Полный депутатский иммунитет против моих милицейских инсинуаций.

– Прекрасно, – я повернулся к сотруднику, листающему паспорт. – Саша, запиши его домашний адрес. Задерживать гражданина депутата мы не имеем права. Он – представитель нашей власти. Но по приезде в отдел позвонишь ему домой и от моего имени сообщишь жене, где он находился в это время и чем занимался. Фамилии девушек тоже на карандаш. Если нет восемнадцати, я съезжу в горсовет, предупрежу председателя, чтобы не доверял господину Бигуну решение вопросов, касающихся детей и образования. А администратор едет с нами. У него депутатской неприкосновенности нет.

С документами задержанных в руках мы стали спускаться по лестнице. За нами поспевали, наступая друг другу на пятки, начальник санатория, «толстяк» и девицы. Кажется, авторитет лечебницы, как и ее руководства, пошатнулся довольно основательно.

Оставив участковых вместе с группой преследования, я отвел администратора в сторону.

– А ведь я тебя просил только журнал посетителей полистать... Не помнишь мой звонок по телефону?

– Айн момент! – взвился тот. – Я сейчас все сделаю!..

– Я сам сейчас все сделаю, – успокоил я его.

Девочки на самом деле оказались несовершеннолетними. Хотя, признаться честно, я на это и не надеялся.

Когда малолетки были погружены в «шестерку», дрожащий от ужаса депутат Бигун отпущен на свободу, а администратор с местным участковым доведены до состояния инфаркта, мы решили возвращаться обратно. У меня под мышкой удобно располагался журнал учета прибывших посетителей. За ним завтра должен был прибыть сам администратор, который даже понятия не имеет, какую роль ему я уготовил. А я решил сделать то, к чему стремится любой опер, – заточить фигуранта под себя. Лишний «дятел» в санатории мне не помешает. А то у меня как-то слабовато с агентурой в этом районе... Администратор останется «на крюке» до тех пор, пока протоколы допроса девиц будут лежать у меня в сейфе. Если заерепенится, то позвоню Бигуну. Тот ему быстро объяснит, «что с ним будет через час». Кстати, Бигун – тоже удачно «срубленная» фигура. Его визитка лежит в кармане. Пусть лежит. Есть не просит.

Впереди опять замаячил пост ГИБДД. Водитель «пятисотого» уже выложил на асфальт все содержимое багажника, и теперь обреченно разбирает запасное колесо, доказывая стоящему рядом милиционеру, что под крышкой нет ни наркотиков, ни оружия. Сержант был таких огромных размеров, что «новому русскому» даже в голову не приходило возмутиться милиционерскому беспределу.

– Он его теперь до вечера дро...ть будет, – Витька кивнул в сторону «гибэдэдэшника». – Знаете, как этот сержант «ручник» проверяет? Заставляет владельца сесть в машину и затянуть ручной тормоз, а сам сзади начинает толкать. Если машина не сдвигается с места – тормоз в порядке. Но обычно сдвигается... Нет, до вечера, не меньше.

Глава 7

Август – лучшее время для отдыха и лечения в санатории. Кто только ни отдыхал в Бобылево с двадцатого августа по первое сентября!..

Лежащий передо мной журнал бесстрастно раскрывал тайны пребывания в санатории. Помимо нескольких депутатов городского и областного советов, в джакузи Бобылево расслаблялись даже мэр и начальник нашего ГУВД. Славное местечко. Вот и вся демократия. Что-то я не могу при всем желании обнаружить здесь фамилию Гольцова, или даже Обрезанова. Рылом они не вышли. Про себя я вообще молчу.

Однако кое-что раскопать мне удалось. И первое, что меня заинтересовало, была личность некого Алтынина, который въехал в санаторий двадцать второго числа, а выехал двадцать четвертого. Фамилия очень знакомая, но не более того. Связать ее с каким-либо конкретным событием оказалось трудно.

Сняв трубку, я набрал номер администратора санатория.

– Вас Горский беспокоит...

– Господи, Андрей Васильевич, какая радость! Чем могу быть вам полезен? Мне подъехать, или так расспросите?

С чего это он так расстиляется?..

– Подъезжайте завтра, а сейчас я прошу вас напрячь память...

– Сию минуту.

– Не перебивайте, это нетактично. Вспомните одну молодую и очень симпатичную девушку, которая гостевала в вашем притоне в последней декаде августа. Она должна была прибыть в сопровождении мужчин, и, как мне кажется, она не совсем этому радовалась. Пробыла она у вас три дня.

Удивительно, но он вспомнил! Он вспомнил, как «девушка по имени Ольга приехала с тремя молодыми людьми». Но это все, что он помнит. Врет! После того как я пообещал сообщить Бигуну, что его «подставил» он, администратор, на свет всплыла одна фамилия. Черкнув на календаре карандашом, я, не попрощавшись, положил трубку.

Я не успел даже убрать руку с телефона, как раздался звонок. От неожиданности я вздрогнул и столкнул локтем на пол стопку листов.

– Тьфу, черт!..

Не черт, Обрезанов.

– Зайди-ка ко мне, Андрей. Наши воробушки с авторынка прилетели.

Если честно, сил уже не было. Кажется, бессонная ночь выходила боком. Хотелось лечь на раскладушку, накрыться курткой и закрыть глаза... Эта картина настолько явственно встала перед моими глазами, что я даже на мгновение потерял над собой контроль и мною овладела сладостная дремота. Нет, прилечь не удастся. Взбадривая себя, я резко кашлянул и растер лицо руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.